
History and Historians in the Context of the Time

Has been issued since 2003.
ISSN 2078-1296
2014. Vol.(13). № 2. Issued 2 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Cherkasov Aleksandr – Sochi State University, Sochi, Russia (Editor-in-Chief)
PhD Mamadaliev Anvar – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Natolochnaya Ol'ga – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russia

EDITORIAL BOARD

Dr. Bäckman Johan – University of Helsinki, Helsinki, Finland
Dr. Krinko Evgenii – Institute of Social, Economic and Humanitarian Research of SSC RAS, Rostov-on-Don, Russia
Dr. Kolesnik Irina – Institute of Ukrainian History, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
Dr. Menjkovsky Vaycheslav – University of Belarusian State, Minsk, Belarus
Dr. Rozhkov Aleksandr – Kuban State University, Krasnodar, Russia
Dr. Senyavskaya Elena – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia
Dr. Yanysh Sergei – Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russia

Journal is indexed by: **Cross Ref** (USA), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (USA), **Electronic scientific library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Google scholar** (USA), **Directory of Open Access Journals** (Sweden), **Index Copernicus** (Poland), **Open Academic Journals Index** (Russia), **ULRICH's WEB** (USA).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitutcii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal3.com/>
E-mail: sochi003@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.10.14.
Format 21 × 29,7/4.
Enamel-paper. Print screen.
Headset Georgia.
Yeh. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № 203.

2014

№ 2

Издается с 2003 г. ISSN 2078-1296
2014. № 2 (13). Выходит 2 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Черкасов Александр – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
(Гл. редактор)
Мамадалиев Анвар – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Натолочная Ольга – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бекман Йохан – Университет г. Хельсинки, Хельсинки, Финляндия
Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
Колесник Ирина – Институт истории Украины НАН Украины, Киев, Украина
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Рожков Александр – Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
Сенявская Елена – Институт российской истории РАН, Москва, Россия
Януш Сергей – Ставропольский государственный аграрный университет, Ставрополь, Россия

Журнал индексируется в: **Cross Ref** (США), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (США), **Electronic scientific library** (Россия), **Global Impact Factor** (Австралия), **Google scholar** (США), **Directory of Open Access Journals** (Швеция), **Index Copernicus** (Польша), **Open Academic Journals Index** (Россия), **ULRICH's WEB** (США).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal3.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

Подписано в печать 16.10.14.
Формат 21 × 29,7/4.
Бумага офсетная.
Печать трафаретная.
Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 203.

CONTENTS

Articles and Statements

State Policy on the Formation of a Network of Stationary Settlements on Kalmyk Lands in the Lower Volga Region and Steppe Ciscausia (the Second Half of the 18 th -19 th centuries) Sergey S. Belousov	68
The Social-Economic Stratification of the Jewish Population of Ukrainian Governorates within the Russian Empire in the Late 19 th -Early 20 th centuries Viktor O. Dotsenko	76
“I’ll Either Leave or Die”: The “Exodus” Moods of the Intelligentsia of Southern Russian Cities in the Early 1920 Anna N. Ereemeeva	84
Memoiristics as a Meta-Genre of Historical Literature (through the Example of the Reminiscences of Participants in and Witnesses of the Peasant Movement in Ukraine in the Early 20 th Century) Dmytriy Kudinov	92
A Campaign for the Struggle against the “German stranglehold” in the Black Sea Governorate during World War I Igor' A. Tveritinov	101

Reviews and surveys

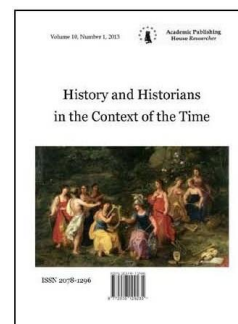
Degtyarev S. Civil Officialdom in Ukraine at the End of the 18 th – the Beginning of the 19 th Centuries: Monograph / Sergey I. Degtyarev. Sumy: Publishing House Papyrus, 2014. 472 p. Aleksandr Cherkasov	106
Petrov A.Yu. Natalia Shelikhova at the Wellspring of Russian America. Moscow: Ves Mir, 2012. 320 p. Andrey A. Kibrik	109

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2014.
ISSN: 2078-1296
Vol. 13, No. 2, pp. 68-75, 2014

DOI: 10.13187/issn.2078-1296
www.ejournal3.com

Articles and Statements

UDC 94

State Policy on the Formation of a Network of Stationary Settlements on Kalmyk Lands in the Lower Volga Region and Steppe Ciscausia (the Second Half of the 18th-19th centuries)

Sergey S. Belousov

The Institute socio-economic researches of the South scientific centre of Russian Academy of Sciences, Russian Federation
PhD, Assistant Professor

Abstract

This article examines the Russian government's state policy on the formation of a network of stationary settlements on Kalmyk lands in the second half of the 18th-19th centuries. The author explores its aims, character, and results. In the end, the author comes to the conclusion that the settlers did not have a major impact on the economic scheme of life of the Kalmyk people, its lifeway and culture and that the Kalmyks, likewise, had little impact on them as well. The events in Kalmykia once again substantiated the axiom that it is impossible to achieve changes in the scheme of life of nomads through just settling with them sedentary landowners or via incentive, much less administrative, measures.

Keywords: resettlement policy; stationary settlements; Kalmyk lands; lower Volga region; Ciscausia; shifting nomads to a sedentary lifeway.

Введение

В историографии данная тема специально не исследовалась, хотя отдельные её аспекты нашли отражение в работах отечественных авторов [1]. Конечной целью внутренней политики имперских властей в Калмыкии была её инкорпорация в российское социокультурное пространство и создание необходимых условий для её модернизации, при этом одним из главных инструментов достижения этого выступала политика по формированию сети стационарных поселений в калмыцких улусах. Созданием поселений правительство стремилось осуществить перевод калмыков на осёдлый образ жизни и изменить социокультурные параметры традиционного калмыцкого общества, преодолеть моноотраслевой характер структуры экономики Калмыкии, улучшить природный ландшафт степи (облесение и обводнение), заселить сухопутные пути сообщения, образовать в Калмыцкой степи восточнославянские анклавные поселения. Иными словами поселенческая политика российских властей на калмыцких землях носила комплексный характер и была ориентирована на их интеграцию с остальной частью России и подготовку условий для их модернизации.

Основной целью предлагаемой статьи является исследование государственной политики российского руководства по формированию сети стационарных поселений на калмыцких землях во второй половине XVIII–XIX. В этой связи ставятся задачи изучения целей и характера переселенческой политики, механизмов её проведения и результатов.

Обсуждение

Калмыки прикочевали в Россию из Джунгарии (ныне это Западный Китай) и расселились на территории Нижнего Поволжья и Степного Предкавказья в первой половине XVII – первой половине XVIII в. Приняв добровольно подданство российского царя и закрепившись с его разрешения в степях Юго-Востока, калмыки приняли активное участие в геополитической игре, которую вела Россия на южном направлении. Калмыцкие войска и вообще калмыцкий фактор российское руководство нередко использовало в целях борьбы с недружественными по отношению к России кочевыми народами и государствами.

Калмыки, будучи кочевым народом, не проявляли стремления к переходу на осёдлый образ жизни, не были заинтересованы в этом и российские власти, считавшие, что кочевой образ жизни калмыков при очень слабом развитии в XVII–XVIII вв. в юго-восточных степях стационарной поселенческой сети, лучше всего отвечает интересам защиты южных границ страны. Попытки отдельных представителей калмыцкой знати перейти к осёдлому образу жизни вызывались не объективными обстоятельствами, а субъективными факторами. Если такие попытки возникали, то калмыков старались селить за пределами территории кочевания основной массы их сородичей, в целом негативно воспринимавших отход от традиционного уклада жизни.

Наглядной иллюстрацией отношения руководства России к поселению калмыков в стационарных населенных пунктах в пределах их кочевий служит пример с калмыцким нойном Замьяном, который в 1763 г. обратился к российским властям с просьбой дозволить ему поселиться с подвластными ему калмыками на одном из урочищ возле р. Волги. Пойти на этот шаг Замьяна побудил конфликт с центральной ханской властью. Ходатайство Замьяна было передано на обсуждение в Государственную коллегия иностранных дел, ведавшей в то время делами калмыков. На заседании коллегии 5 июля 1764 г. вопрос был сформулирован следующим образом: «... полезно ли быть может или нет целого калмыцкого народа поселение, или не лучше ли, не приводя оно всего к тому, но оставляя множайших, при нынешнем их образе жития стараться, чтобы некоторая только часть из них поселенными сделались?» [2]. Рассмотрев обстоятельства дела, члены Государственной коллегии иностранных дел сошлись во мнении, что перевод на осёдлый образ жизни всего калмыцкого народа пока преждевременен как в силу неготовности к этому самих калмыков, так и по причине его невыгодности для российского государства. Власти опасались, что в случае поселения всего калмыцкого народа «останутся тамошние степи по большей части пустыми», и они станут «неминуемо сборищем и убежищем тем варварским народам, при их на здешния места набегах, а может быть, некоторые сих народов и для всегдашнего пребывания перешли бы на оныя» [3]. Под «варварскими народами» в данном случае подразумевались киргис-кайсаки (казахи), а также «кубанские и горские народы», «сближение» которых для российской стороны представлялось нежелательным. Охватывавшие своими кочевьями огромное пространство между р. Урал и Северным Кавказом калмыки рассматривались в качестве своеобразного буфера между отличными от них по языку и вероисповеданию мусульманскими тюркоязычными степными народами и горцами. Концентрация калмыков в стационарных поселениях привела бы к размыванию этого буфера.

Подвижной образ жизни калмыков позволял им контролировать большие территории и поддерживать постоянную боеспособность их конницы, зачастую привлекавшийся российским руководством к решению военных задач на юго-востоке России.

Согласившись с выводом о нецелесообразности перевода всего калмыцкого народа на осёдлый образ жизни, Коллегия в то же время, чтобы не обидеть нойона Замьяна и не исключая возможности возникновения в будущем подобных прецедентов, предложила в виде опыта разрешить ему поселиться со своими калмыками в урочищах Коровья Лука и Крымский Затон. Эти места располагались в излучине р. Волги и недалеко от г. Астрахани и

Кизлярского тракта, что было удобно в плане осуществления надзора за ними и привлечения к сторожевой службе.

Допуская к поселению Замьяна Коллегия рассчитывала «узнать, сколько и впредь в том успехов надеяться можно, и продолжать ли сие намерение по ожидаемой из того пользе? Или буде противное из того окажется по легкомысленному состоянию сего народа, и совсем оное оставить нужно....» [4].

Поддержав намерение Замьяна перейти к осёдлости, российская администрация брала в расчёт и интересы заселения края: два поселения калмыков должны были стать звеньями единой цепи из 7 казачьих поселений, которые решено было учредить вдоль р. Волги на пространстве от крепости Черный Яр до г. Астрахани. С калмыками было предложено поселить по 250 человек казаков, проживавших в г. Астрахани, которые должны были помочь бывшим кочевникам усвоить азы осёдлой жизни и новые формы хозяйствования и одновременно присматривать за ними. Для материальной поддержки поселяющимся калмыками и казакам была определена ежегодная сумма в 3000 рублей из бюджета Астраханской губернии.

Изложенные в утвержденном 5 июля 1764 г. императрицей Екатериной II докладе Государственной коллегии «О поселении калмыков на нагорной стороне реки Волги, при урочище, называемом Крымский Затон, и о переводе туда же астраханских казаков» [5] соображения по вопросу перехода калмыков на осёдлый образ жизни легли в основу, осуществлявшейся на протяжении второй половины XVIII и большей части XIX вв. политики государства по созданию сети стационарных поселений в Калмыкии. В основу этой политики был положен принцип добровольности поселения, исключавший принудительные меры. Характерной чертой её была также осторожность: приглашая калмыков к поселению, российское правительство никогда не форсировало события и не ставило задачи перевода на осёдлый образ жизни всего калмыцкого народа и в короткие сроки, опасаясь, что резкий разрыв народа с прежним укладом может привести к катастрофическим последствиям и осложнить обстановку в улусах. Важно также отметить, что политика по созданию стационарных поселений на калмыцких землях носила комплексный характер, т.е. была направлена на решение целого ряда задач государственного, регионального и местного масштабов. Одной из таких задач являлось заселение дорог, в первую очередь имевших стратегическое значение и связывавших Нижнее Поволжье с Северным Кавказом: поселения создавались, как правило, вдоль дорог. При организации населенных пунктов администрация старалась селить вместе с калмыками представителей осёдлого населения из числа казаков, государственных крестьян и отставных военных.

Важно отметить, что для России создание поселений вдоль дорог, ведущих на Северный Кавказ, являлось одним из важнейших компонентов политики российских властей в юго-восточном регионе на протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX в.

Значение дорог особенно возросло в последней трети XVIII в., когда в результате побед русской армии прекратило существование Крымское ханство, территория которого стала частью российского государства.

Успехи России в борьбе с Крымом открыли перед ней широкие возможности для колонизации Северного Кавказа и позволили укрепить там свои позиции. Необходимость обустройства Азово-Моздокской военной линии поставили перед правительством задачу скорейшего заселения двух важнейших, связывавших Нижнее Поволжье с Северным Кавказом, дорог – Астраханско-Кизлярского и Царицынско-Ставропольского трактов, по которым войскам и населению линии доставлялось всё необходимое.

Эти дороги, пролегали в большей своей части через калмыцкие кочевья, по местности безводной, засушливой и малолюдной, что сильно ограничивало их пропускную способность и ставило под угрозу срыва снабжение российских войск на Кавказе. Необходимо отметить ещё и то, что отсутствие укрепленных пунктов вдоль пути и вообще каких-либо поселений во многом облегчали горцам и кочевникам возможность совершать свои нападения на проезжающих и на мирных жителей Астраханской губернии.

Важной вехой в политике российского руководства на пути реализации задачи освоения дорог на юго-востоке страны стал указ Екатерины II кавказскому наместнику

П.С.Потёмкину от 9 мая 1785 года «О устройстве Кавказской губернии и области Астраханской», определивший в числе мер по административному устройству региона и создания сети новых поселений на Черкасском, Царицынско-Ставропольском трактах. Новые селения предписывалось учреждать вдоль трактов на расстоянии от 15 до 30 вёрст друг от друга, а согласившимся поселиться в них определялось пособие в размере 20 рублей на двор. В отношении контингента поселян предпочтение отдавалось отставным солдатам, а сами поселения в целях безопасности рекомендовалось обносить земляными укреплениями [6]. К поселению вдоль дорог также приглашались калмыки, которым в случае их на то согласия обещались щедрые награды и помощь в хозяйственном обустройстве. Не был забыт в указе и Кизлярский тракт: на него, правда, рекомендовалось привлекать исключительно «татар, калмыков, и тому подобных для поселения и заведения всякого хозяйства и промыслов» [7].

Приглашение калмыков к поселению на трактах в последней трети XVIII в. свидетельствовало о пересмотре подхода российского руководства к проблеме перевода их на осёдлый образ жизни. Этому во многом способствовали события 1771 г., когда основная масса калмыков откочевала в Джунгарию (Западный Китай), что привело к резкому снижению их военного потенциала, и, как следствие, сильно ограничило их возможности влиять на военную и политическую обстановку в регионе.

В соответствии с изменившимися обстоятельствами правительство вынуждено было внести важные коррективы в калмыцкую политику, перейдя от использования калмыков в своих военных целях к политике интеграции их в российское общество. Приступая к решению новых, поставленных жизнью задач российское руководство отдавало себе отчёт в том, что изменение уклада жизни кочевого народа дело очень сложное и деликатное, где одинаково неприемлемы торопливость и грубое давление. Действовать осторожно, не спеша, просчитывать каждый шаг, кроме того, побуждал негативный опыт предшествующих лет, приведший в итоге к политическому кризису 1771 года, разрешившемуся откочёвкой большей части калмыцкого народа в Джунгарию.

Несмотря на все усилия правительства заселить Царицынско-Ставропольский и Астраханско-Кизлярский тракты в последней трети XVIII в., решить эту задачу в целом не удалось. В 1788–1789 гг. на Царицынско-Ставропольском тракте возникло 6 поселений государственных крестьян, но уже через несколько лет, они, за исключением одного, прекратили своё существование. Переселенцы не смогли приспособиться к тяжелейшим природным условиям Калмыцкой степи, к её солончаковому и глинистому грунту, к солёной воде, к частым засухам и нашествиям сусликов и саранчи, которые на корню уничтожали весь урожай хлебов. Из-за отсутствия леса и даже камыша многие поселяне погибли от холода, не сложились у них отношения и с калмыками, которые, грабили поселян, вытравливали их сенокосы, угоняли скот. Весьма скромные результаты были достигнуты и в заселении Астраханско-Кизлярского тракта. Со стороны г. Кизляра поселения крестьян были доведены до деревни Владимировки, а со стороны Астрахани – до урочища Зензели. Между этими крайними пунктами продолжал оставаться без заселения огромный участок дороги, пролежавший через кочевья калмыков.

Новая попытка заселения дорог на калмыцких землях была предпринята российским руководством в конце 1840-х – первой половине 1870-х гг. На этот раз была разработана специальная программа, в основу которой были положены идеи сенатора, князя П.П. Гагарина, сформулированные им после завершения в 1844 г. ревизии калмыцкого управления. Основательно познакомившись с системой попечительской власти и с другими материалами, он пришёл к выводу, что эффективное преобразование калмыцкого управления невозможно без перевода калмыков на осёдлость. Именно кочевая жизнь, по глубокому убеждению сенатора, породила многочисленные болезни и бедность калмыков, которая толкала их на воровство и другие противоправные поступки. Он упрекал калмыков в том, что они, получив в «дар» от российского правительства огромное количество земли, превышающее « существенную их надобность по мере их скотоводства на целую половину», оказались не в состоянии извлечь из неё выгоды ни для себя, ни для государства [8]. Выход из создавшегося положения Гагарин видел в переводе калмыков на осёдлый образ жизни. Эта мера должна была кардинальным образом изменить жизнь калмыцкого народа, сделав

её, с одной стороны, более обеспеченной, с другой – способствовать приобщению калмыков к русской культуре и православной религии.

Для государства выгоды от этого были очевидны. Во-первых, переход калмыков к осёдлости и связанные с ним преобразования в материальной и духовной сфере властями тесно увязывались с поднятием материального благосостояния калмыков, что давало правительству в будущем возможность ввести их в число государственных налогоплательщиков, во-вторых, коренные изменения в образе жизни калмыков неизбежно повлекли бы за собой преобразования в их управлении, приблизив его к крестьянскому, чего в конечном итоге и добивалось правительство.

По мнению сенатора, водворение калмыков следовало проводить поэтапно, разместив их для начала вдоль шести наиболее значимых для государства дорог. Это позволило бы решить проблему обживания важных для России в геополитическом отношении трактов и лучше контролировать процесс оседания калмыков. Чтобы помочь калмыкам быстрее освоиться с их новым положением и научить их земледелию, Гагарин считал целесообразным поселить вместе с ними государственных крестьян [9].

Высказанные князем П.П. Гагариным в ходе ревизии калмыцкого управления предложения о направлении и способах преобразований в Калмыкии заинтересовали Министерство государственных имуществ. Прежде всего, в плане Гагарина привлекало то, что ему удалось удачно свести воедино две ранее отдельно рассматривавшиеся важнейшие проблемы региона: перевод калмыков на осёдлость и заселение стратегических дорог.

Созвучен планам МГИ в Калмыкии оказался и прагматизм сенатора в отношении калмыцких земель. Гагарин фактически сформулировал, сложившийся к рубежу 30–40-х годов XIX в. в высших правительственных кругах новый взгляд на предназначение калмыцких земель. До этого главные усилия правительства были направлены на поисках оптимальной для калмыцкого народа формы управления, способной изменить его жизнь в лучшую сторону, теперь же на передний план выдвигались задачи изменения внутренних устоев жизни калмыцкого народа и превращение калмыцких земель в территорию, приносящую осязаемые выгоды для государства. «При определении пользы правительства – писал Гагарин – следует принять в соображение и то, что было даровано калмыкам, и то, какое правительство получает за сие возмездие, соразмерно ли это возмездие с тем, что дано было, не представляется ли очевидной необходимости в изменении возмездия, сообразном с потребностями настоящего времени и края, и из каких начал оно проистекать должно» [10].

30 декабря 1846 г. император Николай I подписал указ «О заселении дорог на калмыцких землях в Астраханской губернии» [11] и одноименную инструкцию, которые предусматривали создание вдоль 6 дорог на калмыцких землях 44-х населенных пунктов, с поселением в каждом из них по 50 крестьянских и 50 калмыцких семей. В документах особо подчеркивался сугубо добровольный характер поселения калмыков и крестьян, вопрос стоял о переводе на осёдлость только части калмыцкого народа, пример успешного поселения которой в будущем должен был послужить примером для остальных калмыков.

Намеченные в программе ближайшие задачи и стратегические цели полностью вписывались в региональную политику николаевского правительства, направленную своим остриём на укрепление позиций государства на его окраинах. Власти достаточно чётко осознавали потребности, как экономического развития калмыцких земель, так и необходимость осуществления кардинальных перемен в жизни калмыцкого народа. К середине XIX века калмыцкие земли, в отличие от окружавших их уже довольно хорошо освоенных регионов (Нижнего Поволжья, Дона, значительной части Предкавказья), являли из себя своеобразный анклав с малочисленным кочевым населением, отсутствием осёдлых поселений, необжитыми путями сообщения и моноотраслевой структурой экономики (кочевое скотоводство). Это и побудило власти взяться за разработку программы, предназначенной для решения этих ключевых проблем.

При подготовке программы, безусловно, учитывались интересы калмыков-кочевников, что проявилось в сдерживании крестьянской колонизации, которая направлялась на освоение земель, расположенных исключительно вдоль проходящих по окраинам степи трактов, в относительно небольшом количестве переселенцев, в строгой регламентации землеустроительных работ, когда землемерам предписывалось, в целях

недопущения стеснения калмыков, не углубляться в степь, а проводить отвод земельных наделов станиц как можно ближе к дорогам.

Реализация правительственной программы 1846 г. продолжалась в течение 30 лет, с 1846 по 1876 гг., и, хотя не все её пункты были выполнены, главная цель – создание оседлых поселений вдоль дорог – была достигнута.

Вместе с тем заселение дорог со всей очевидностью выявило и недостаточную продуманность правительственной программы, проистекавшую, главным образом, из-за отсутствия подробных сведений о колонизационном потенциале калмыцких земель. В результате, вместо запланированных 44 населенных пунктов, было образовано всего 25, остались без заселения некоторые участки Кизлярского и Крымского трактов, дорог в луговой стороне р. Волги. Имели место случаи, когда поселения вследствие неблагоприятных природных условий переносились на другие места (Садовое, Киселёво, Обильное, Леничево, Промысловое, Хошеутовское), а то и прекращали своё существование (ст. Благодатное, Доля, Спасская).

Недостаточная продуманность некоторых пунктов правительственной программы и невозможность их выполнения вынудила Комиссию отступить от ряда положений инструкций. Так, например, в нескольких посланиях пришлось отказаться от принятой нормы в 100 дворов, поскольку этому препятствовали неблагоприятные условия местности. Дефицит удобных земель побудил землеустроителей почти вдвое увеличить земельное обеспечение новых поселений за счёт земель, признанных «отчасти неудобными». По этой же причине не удалось ввести семейные участки и избежать чересполосицы.

Не увенчалась успехом попытка реализации пункта программы, касающегося перевода части калмыков на оседлый образ жизни. Провал плана перевода калмыков на оседлость в определённой степени был закономерен. Трудно было надеяться привлечь традиционных кочевников к оседлости посредством приучения их к земледелию в местности, где для этой отрасли не имелось благоприятных природных условий. Превратить же калмыков в оседлых скотоводов, даже предоставив им 30–60 десятинные наделы, не позволял экстенсивный характер их хозяйств. Важно отметить, что переходу на оседлость не способствовала и существующая система землепользования и отсутствие чётких внутренних границ в Калмыцкой степи. Главным их недостатком было то, что они не стимулировали закрепление калмыцкого населения за чётко определённой территорией, без чего невозможен переход к оседлой жизни. Чтобы заставить калмыков сменить свой традиционный образ жизни для начала надо было изменить систему землепользования и административное устройство: эти меры позволили бы создать необходимые предпосылки для перехода на оседлость. В противном случае побудить калмыков перейти на оседлость могли только чрезвычайные обстоятельства, такие, например, как резкое сокращение их земельных владений.

В целом успешным следует признать обустройство в Калмыцкой степи русских и украинских крестьян, которыми была создана вдоль дорог сеть стационарных поселений. Ими были привнесены на территорию Калмыкии начала земледелия и оседлая культура. Кочевое население Калмыкии было знакомо с оседлостью и земледелием ещё до появления переселенцев, однако существовали они в зачаточном виде, и только с появлением переселенческих сел, они прочно укоренились в Калмыцкой степи.

Большое значение переселения имели для самих крестьян, большинство из которых благополучно устроились на новом месте, зажив более обеспеченной, чем на их исторической Родине жизнью. В силу суровых природных условий Калмыцкой степи, земледелие не стало главной отраслью хозяйства переселенцев и основное своё внимание они сосредоточили на развитии скотоводства, где добились больших успехов. В 1854 г., спустя 7 лет после открытия переселений на калмыцкие земли, I департамент Министерства государственных имуществ констатировал, что «заселенная часть Калмыцкой степи по отношению числа скота к населению в немногие годы стала в ряду богатейших областей России» [12]. По сведениям Статистического отделения департамента сельского хозяйства, в 1854 г. средняя обеспеченность скотом на ревизскую душу у переселенцев Калмыкии была в два раза выше, чем у государственных крестьян

Астраханской губернии, между прочим, «одной из богатейших в целой России по числу скота», и уступала только калмыкам [13].

Переселенцы не оказали большого влияния на хозяйственный уклад жизни калмыцкого народа, его образ жизни и культуру, также незначительным оно было на них и со стороны калмыков. События в Калмыкии лишней раз подтвердили ту аксиому, что невозможно добиться изменения уклада жизни кочевников одним только поселением с ними оседлых земледельцев или же поощрительными, а тем более административными мерами. Для того, чтобы это свершилось, необходима длительная, кропотливая подготовительная работа с учётом целого комплекса факторов, и в первую очередь – природных, социальных и психологических.

Не решив проблемы осёдлости, переселения, тем не менее, не прошли для калмыков бесследно. Но влияние это было двоякого рода: с одной стороны, изъятия земель под поселения сузили возможности для развития экстенсивного скотоводства и вынудили часть калмыков искать другие источники существования как следствие менять привычный хозяйственный уклад и образ жизни; с другой стороны, переселенцы продемонстрировали положительный пример создания стационарных поселений в суровых условиях Калмыцкой степи. В обоих случаях это способствовало переходу калмыков на осёдлость, и показателем необратимости этого процесса служит факт неуклонного роста, начиная с 60-х годов XIX века, числа осёдлых калмыков.

Заключение

Значение переселений простирается далеко за экономические рамки, затрагивая в известной мере такие важнейшие сферы деятельности человека, как материальную и духовную культуру. Важно отметить, что установление более близких контактов представителей различных культур пошло на пользу обоим сторонам.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках темы «Исторические формы и современные способы функционирования социокультурных институтов на Юге России» (базовое бюджетное финансирование, № госрегистрации (01201368164).

Примечания:

1. Костенков К.И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб., 1870; Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 г. Казань, 1898; Пальмов Н.Н. Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь // Калмыцкая область. 1925. № 2. С. 134–145; № 3. С. 70–108; 1926. № 1. С. 121–146; Белоусов С.С. Государственная политика заселения Астраханско-Кизлярского и Царицынско-Ставропольского трактов во второй половине XVIII века // Вопросы истории. 2011. №3. С. 153–158.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание 1-ое. Т. XVI. СПб., 1830. С. 827.
3. ПСЗ РИ. Собрание 1-ое. Т. XVI. СПб., 1830. С. 828.
4. ПСЗ РИ. Собрание 1-ое. Т. XVI. СПб., 1830. С. 831.
5. ПСЗ РИ. Собрание 1-ое. Т. XVI. СПб., 1830. С. 827–832.
6. ПСЗ РИ. Собрание 1-ое. Т. XXII. СПб., 1830. С. 390.
7. ПСЗ РИ. Собрание 1-ое. Т. XXII. СПб., 1830. С. 392.
8. Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. И-7. Оп. 4. Д. 24. Л. 30
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 10. Д. 9366 а. Л. 57 об.
10. РГИА. Ф. 383. Оп. 10. Д. 9366 а. Л. 27 об.
11. ПСЗ РИ. Собрание 2-ое. Т. XXI. СПб., 1847. С. 725 – 726.
12. Заселение дорого в калмыцких степях // Журнал Министерства государственных имуществ. 1856. Ч. 60. С. 35.
13. Заселение дорого в калмыцких степях // Журнал Министерства государственных имуществ. 1856. Ч. 60. С. 34.

References:

1. Kostenkov K.I. Historical and statistical information about the Kalmyks, wandering in the Astrakhan province. SPb., 1870; Dubrova J. P. Life the kalmyks Stavropol province to the edition of the law of 15 March 1892, Kazan, 1898; Palmov N.N. Obosedlenie Kalmykov and Russian immigration in Kalmyk steppe // Kalmyk region. 1925. № 2. S. 134-145; № 3. S. 70-108; 1926. № 1. S. 121-146; Belousov S.S. State policy of colonization Astrakhan-Kizlyar and Tsaritsyn-Stavropol tracts in the second half of the XVIII century // Questions of history. 2011. № 3. S. 153-158.
2. The full collection of laws of the Russian Empire (FCL RI). The meeting 1. T. XVI. SPb., 1830. S. 827.
3. FCL RI. The meeting 1. T. XVI. SPb., 1830. S. 828.
4. FCL RI. The meeting 1. T. XVI. SPb., 1830. S. 831.
5. FCL RI. The meeting 1. T. XVI. SPb., 1830. S. 827-832.
6. FCL RI. The meeting 1. T. XXII. SPb., 1830. S. 390.
7. FCL RI. The meeting 1. T. XXII. SPb., 1830. S. 392.
8. The national archives of the Republic of Kalmykia. F I-7. Op. 4. D. 24. L. 30
9. Russian state historical archive (RSHA). F. 383. Op. 10. D. 9366. L. 57 ob.
10. RSHA. F. 383. Op. 10. D. 9366. L. 27
11. FCL RI. The meeting 2. T. XXI. SPb., 1847. S. 725 - 726.
12. Settling expensive in the Kalmyk steppes // Journal of the Ministry of state property. 1856. P. 60. S. 35.
13. Settling expensive in the Kalmyk steppes // Journal of the Ministry of state property. 1856. P. 60. S. 34.

УДК 94

Государственная политика по формированию сети стационарных поселений на калмыцких землях Нижнего Поволжья и Степного Предкавказья (вторая половина XVIII–XIX вв.)

Сергей Степанович Белоусов

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук
Кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматриваются государственная политика российского руководства по формированию сети стационарных поселений на калмыцких землях во второй половине XVIII–XIX вв. Исследуются её цели, характер и результаты. В завершении автор пришел к выводу, что переселенцы не оказали большого влияния на хозяйственный уклад жизни калмыцкого народа, его образ жизни и культуру, также незначительным оно было на них и со стороны калмыков. События в Калмыкии лишней раз подтвердили ту аксиому, что невозможно добиться изменения уклада жизни кочевников одним только поселением с ними оседлых земледельцев или же поощрительными, а тем более административными мерами.

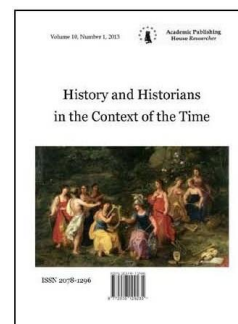
Ключевые слова: переселенческая политика; стационарные поселения; калмыцкие земли; Нижнее Поволжье; Предкавказье; перевод кочевников на оседлый образ жизни.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2014.
ISSN: 2078-1296
Vol. 13, No. 2, pp. 76-83, 2014

DOI: 10.13187/issn.2078-1296
www.ejournal3.com

UDC 94(477.7): XIX-XX

The Social-Economic Stratification of the Jewish Population of Ukrainian Governorates within the Russian Empire in the Late 19th-Early 20th centuries

Viktor O. Dotsenko

National university of Government tax service of Ukraine, Ukraine
PhD (History), Associate Professor
E-mail: dozenkov@ukr.net

Abstract

This study looks into the history of the Jewish community in Ukrainian governorates within the Russian Empire in the 19th century. The article examines the social-economic state of the Jewish community in Ukrainian governorates in the 19th century and analyzes preconditions for the creation of national Jewish public organizations in the Russian Empire in the early 20th century. At the turn of the century, there formed a specific social structure of the Jewish population in Ukrainian governorates within the Russian Empire. Even a superficial analysis and comparison of the social structure of the Jewish and other ethnoses lets us draw a conclusion about the prevalence of representatives of the merchant, craftsman, and usurer social groups among the Jews of the region. The prevalence of Jews within the non-productive sphere led to interethnic conflicts with representatives of the Ukrainian and Polish ethnoses.

Keywords: Jews; merchants; percenters; craftsmen; “pale of settlement”; shtetl; Right-Bank Ukraine; Russian Empire.

Введение

В новых социально-экономических и общественно-политических реалиях возрастает интерес историков и общественности к истории национальных меньшинств. После обретение Украиной независимости национальные меньшинства переживают процесс своего историко-культурного и политического возрождения. Многие исследователи обратились к истории поляков, белорусов, немцев, чехов, евреев и других народов, проживающих в Украине. Среди них актуальной есть социально-экономическая история еврейского этноса конца XIX – начала XX века. В этот период еврейская община Украины переживала сложный период своей истории, который привел к имущественному расслоению общины и формированию новой социальной стратификации украинского еврейства. Новая социальная организация евреев Украины привела к межнациональным конфликтам и проявлениям антисемитизма в районах компактного проживания евреев в годы Первой мировой и гражданской войны. Поэтому вопрос социально-экономической истории евреев Украины конца XIX – начала XX века нуждается в объективном рассмотрении и критическом анализе на основании использования разнообразных архивных документов, монографической и периодической литературы.

Проблема социально-экономической истории евреев Российской империи конца XIX – начала XX века рассматривалась в работах российского ученого А. Субботина, [1] советских

историков М. Киппера, С.Я. Борового. [2; 3] Среди современных историков не обходимо выделить работы О. Филановського, М.М. Шитюка и В.В. Щукина. [4; 5; 6] Следует заметить, что вопрос социально-экономической организации еврейской общины украинских губерний Российской империи остался малоисследованным. Целью подготовки данной статьи есть попытка анализа особенностей социальной и профессиональной организации еврейской общины украинских губерний Российской империи конца XIX – начала XX века, определения основных факторов, что влияли на социально-экономические процессы происходившие в общинах.

Материалы и методы

Методологической основой работы есть совокупность научных принципов и методов, что составляют основу исторического исследования: историзм, научная объективность и системный подход, без которых невозможно объективно реконструировать социально-экономическую организацию еврейской общины в условиях формирования капиталистических отношений в Российской империи.

Обсуждение

Во второй половине XIX – в начале XX в. в Российской империи бурно развиваются капиталистические отношения. Начинается массовое строительство железных дорог, фабрик, заводов. В нем активное участие принимали еврейские купцы, промышленники и банкиры. Еврейские банковские дома участвовали в реализации государственных ссуд, играли ведущую роль в сахарной, добывающей и легкой промышленности. Еврейские предприниматели занимали передовые позиции в пищевой и текстильной промышленности, в строительстве железных дорог и развитии других видов транспорта. В Киевской губернии большие табачные фабрики принадлежали братьям Когенам (Киев), А.А. Зарицкому (Черкассы), Х.Н. Марьянивському (Умань), Н.И. Гробивкеру (Бердичев). Акционерное общество табачных фабрик, основанное Соломоном Когеном и его братьями, в 1861 г. имело учредительный капитал в 850 тыс. руб. В составе правления в разные времена находились А.М. Кожен, М.С. Бродский, А.А. Винцевич и О.М. Кожен. Годовое производство табака и папирос составляло 2 млн. 305 тыс. руб. [7, С.183]

На Украине еврейское производство традиционно было связано с переработкой сельскохозяйственной продукции: сахарная промышленность и производство спиртного. Если в сахарной промышленности еврейский капитал имел отдельные производственные ниши (Бродские, Гальперини), то производство спиртных напитков в течение веков для евреев было одним из наиболее прибыльных промыслов. В конце XIX в. из 15 сахарозаводов Подольской губернии – 12 принадлежало евреям, из 88 винокурных заводов 37 были собственностью евреев. [8, С.150] В целом, на Правобережье – в самом большом сахарном районе Российской империи, в начале XX в. из 148 сахарных предприятий 33 принадлежали евреям. [9, С.167]

С начала 1860-х годов активно развивается еврейский финансовый капитал. В это время возникают первые земельные банки, в их организации важную роль играли еврейские деньги. В начале XX в. евреи активно влияли на экономическую и финансовую ситуацию в империи. Так, уже в конце XIX в. 84,5% купцов Западных губерний Российской империи (Виленьская, Гродненская, Минская и Могилевская) были евреями. В Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и Черниговской губерниях еврейские предприниматели владели 33,9% предприятиями (1143 из 3374), в Южно-украинских губерниях (Бессарабская, Екатеринославская и Таврическая губернии) – 29,3% (338 из 1627). [10, С. 190-191]

Отдельную сферу коммерческой деятельности украинского еврейства во второй половине XIX – в начале XX в. составляла аренда и субаренда сельскохозяйственных земель. Хотя законодательные акты 1863 и в 1865 годов запрещали евреям брать землю в аренду, они различными путями и методами пытались обойти закон, который ограничивал их права. Евреи заключали соглашения с поляками на аренду земли сроком на 30, 60, 80 лет. [11] После реформы в 1861 г. сельские помещики и состоятельные крестьяне практиковали заключение с евреями тайных арендных договоров. На Полтавщине и Черниговщине местные евреи производили от 27 к 42% операций субаренды земли [12, С. 457]. В 1872 году

на Киевщине, Подолье и Волыни 914 евреев, арендовали в 914 имениях 516 958 десятин земли и платили помещикам 1 509 тыс. руб. арендных платежей, в то же время получали прибыль 3 600 тыс. руб. В конце XIX в. на Черниговщине из 600 арендованных имений в руках евреев-арендаторов пребывало 40%. [13, С.71]

На втором месте среди основных занятий евреев было ремесло. Количество ремесленников-евреев в черте оседлости в течение XIX в. постоянно росло. Если в начале века ремесленным трудом занималось около 12% евреев, что проживали в украинских губерниях Российской империи, то на конец века этот показатель почти утроился. Только официально, за материалами переписи 1897 г., кустари и ремесленники составляли 18,4% от всей численности евреев Российской империи. При этом на каждого еврейского фабрично-кустарного рабочего приходилось 7 ремесленников и чернорабочих. [14, С.10] В Волынской губернии еврей-ремесленники составляли еще больший процент. Если в 1812 году евреев-ремесленников было 3143 человек, что составляло 18,8% еврейского населения Волынской губернии, то в 1818 г. – их было уже 16 902, в 1832 г. – 17 026, в 1852 г. – 20 114. За сорок лет количество занятых в ремесленном труде евреев только на Волыни возросло в 6,4 раза [15, С.124].

В 1897 году в Российской империи проживало 500 тыс. евреев-ремесленников, трудовая деятельность которых была связана с 60 различными специальностями. Еврейскими ремесленными профессиями были ювелирное дело, содержание портняжных и обувных мастерских, кузнечное дело. Занимались евреи и фабричным производством, но точно определить число фабрикантов не возможно, поскольку во время осуществления переписи евреи сознательно приписывали себя в состав ремесленников и торговцев.

Еврейские ремесленники очень сильно зависели от ростовщиков, которые влияли на их экономическое положение. Корреспонденты «Сборника материалов об экономическом положении евреев в России» констатировали случаи, когда годовые проценты от ссуды превышали 100%. В частности, «в Кременце (Волынской губернии), – пишет местный корреспондент, – находится целый класс лиц, которые живут только с того, что дают деньги в долг местным кустарям. На Волыни, куда не брось, ремесленник, который взял, например, 5 рублей, должен платить ежемесячно 50 копеек процентов, то есть 10 % на месяц или 120 % в год» [16, С.159].

Чтобы сохранить независимость, еврей-ремесленники часто искали постоянных потребителей. Чаще всего это были крестьяне и городские бедняки, которые отдавали предпочтение дешевизне, а не качеству товара. Поэтому изделия многих ремесленников отличались грубой работой и низким качеством материалов. В поисках рынков сбыта и заказов ремесленники переезжали в крупные города. Некоторые из них со временем получали возможность расширять производство. Так, в конце XIX века портняжными мастерскими в Киеве владели евреи Людмер, Сольцер, Кравец, переплетными мастерскими – Зигенфельд, кожаными производством – Кобец, ювелирным делом – Маршак. [17, С.128]

Реформы 60-70-х гг. XIX в. больно ударили по основной массе еврейских ремесленников проживающих в пределах черты оседлости. Быстрое развитие капиталистического производства, массовый выпуск более дешевой продукции привело к разорению значительной части еврейских ремесленников и усилению эмиграционных тенденций. До конца XIX в. среднегодовой доход еврейского ремесленника был в полтора – два раза ниже от доходов украинского крестьянина (150-300 руб. на 400-500). Многие ремесленники разорялись и становились нищими. В некоторых общинах количество нищих достигало 40 процентов. По подсчетам экономистов, на рубеже веков от 30 до 50% евреев не могли свести концы с концами без помощи благотворительных организаций. Так, во второй половине XIX века за счет благотворительности существовало 20% еврейского населения Бердичева. Большую часть умерших приходилось хоронить за счет общин, потому что родственники не имели на это средств. [18, С.74]

Быстрое развитие промышленности в конце 90-х гг. XIX в. постепенно вытесняет еврейского ремесленника из сферы индивидуального производства. Ремесленник попадает в зависимость от фабриканта и за своим положением становится похожим на рабочего. Так было организовано производство обуви в Юго-Западных губерниях, ткацкое производство в Лодзинском районе Царства Польского. Эксплуатация этих ремесленников была жестче, чем фабричных рабочих. Они работали в худших условиях и за меньшую

плату. Средний заработок, например, портного в начале XX века составлял 150–250 руб. в год, а прожиточный минимум того времени составлял 360 руб. [19, С.13]

Третью значительную группу еврейского населения составляли государственные служащие и представители свободных профессий. Представители данной группы составляли 10 % от общей численности работающих евреев. Формирование российского еврейского чиновничества началось в первой половине XIX в. Указом от 30 июня в 1839 г. правительство предоставило возможность евреям избираться в государственные органы (думы, магистраты, ратуши) и четко определило перечень должностей на которые их было запрещено назначать. В список попали заседатели палат, уездных и совестливых судов, городские председатели, служивые городской полиции и другие должности доступ к которым предоставлялся лишь православным. [20, С.594-595] Итак, за правление Николая I евреев допустили лишь к органам городского самоуправления. Другие должности были для иноверцев запрещены.

При императоре Александре II указ Николая I потерял свою силу, и лица с высшим образованием получили право на государственную службу. По закону от 27 ноября 1861 года на службу позволялось брать только тех евреев, которые получили степень кандидата университета или доктора медицины. Закон от 1 апреля в 1862 г. распространял право на службу и на тех евреев, которые имели степень не ниже действительного студента. В 1865–1867 гг. это право распространяется и на врачей, которые даже не получили степень доктора медицины, за исключением Петербурга и Москвы [21, С.142]. Следовательно, по реформированному российскому законодательству отличия в вероисповедании не должны были быть преградой при назначении на административную должность. Однако в конце 1870-х гг. ситуация изменилась и евреев снова перестали назначать на административные должности.

Александр III во время контрреформ полностью запретил брать евреев на государственную службу в судебное ведомство, хотя официально в «Своде законов Российской империи» никаких изменений по данному вопросу не было внесено. Для евреев, независимо от квалификации, оказались закрытыми любые должности в судебных органах, прокуратуре и органах юстиции, а в дальнейшем и преподавательская работа в высших учебных заведениях на юридических факультетах. Почти единственной возможностью для реализации своих способностей в сфере юриспруденции и вообще для получения приличного заработка для евреев-юристов стала адвокатура, на нее ограничения сначала не распространялись [22, С.154].

В 1889 г. вводятся запреты и на занятие адвокатурой. Министр юстиции Манасеин в докладной записке императору выразил мнение об ограниченном доступе к адвокатуре лиц нехристианского вероисповедания. Адвокатской деятельностью могли заниматься лишь те лица, которые получили разрешение лично у министра. Запрет действовал вплоть до революции 1905 года [23, С.406]. Ограничивался доступ лиц иудейского вероисповедания к преподаванию в средних и высших учебных заведениях. При этом необходимо отметить, что для лиц неиудейского вероисповедания подобных запретов не существовало.

Но, несмотря на все запреты, в уездных городах и местечках Правобережной Украины во второй половине XIX – в начале XX в. исключительно евреи занимали большинство должностей в мещанских управах и раздаточных комиссиях по распределению налога из недвижимого имущества, а также были депутатами, которые участвовали в рассмотрении жалоб на неправильное распределение, об этом свидетельствуют результаты выборов в Киевской, Волынской и Подольской губернии за 1904–1907 гг. [24, С.149]

Получив образование и будучи лишены возможности занимать должности на государственной службе, евреи стали переходить в свободные профессии. Адвокатура, журналистика, критика, врачебная практика, искусство – все это было широким полем, где евреи не только могли развивать свою деятельность, но и влиять на общественную жизнь государства, оставаясь в тот период инородным населением. Особенностью еврейской интеллигенции и представителей свободных профессий во второй половине XIX века стала их постепенная ассимиляция. Государственные служащие постепенно забывали иврит. Его в быту и на службе заменял русский язык. Молодежь отказывалась от иудаизма и традиционной еврейской культуры. Постепенно формируется российская еврейская

интеллигенция, которая потеряла свою национальную идентичность и полностью поддерживала царский режим.

Отдельную группу еврейского населения украинских губерний составляли еврей-земледельцы. Хотя занятие сельским хозяйством в целом было не характерно для евреев, которые вынуждены были проживать в городах и местечках черты оседлости. В Российской империи согласно закона 1784 г. иноверцы не имели права иметь крепостных, а вести большое сельскохозяйственное производство без применения крепостного труда в первой половине XIX в. было невозможно. Поэтому в украинских губерниях евреи под видом аренды земель пользовались трудом крепостных крестьян.

В 1804 г. Александр I Положением о евреях позволил небольшой группе еврейских семей перейти к занятиям сельским хозяйством и переехать в южно-украинские губернии. В течение 1806-1809 г. на Юге Украины было создано 10 сельскохозяйственных колоний, в которых в 1810 г. проживало около 9 тыс. человек [25, С.24]. В 1817 году при содействии царского правительства с целью христианизации евреев через привлечение их к земледелию было организовано Общество израильских христиан. Общество способствовало переселению евреев в Приазовье и созданию там сельскохозяйственных колоний. Первые результаты переселения были безуспешными. Отсутствие навыков земледелия, возможности аренды и субаренды земли, сложность переезда и обустройства на новых местах привели к свертыванию кампании.

Новые попытки привлечь евреев к сельскому хозяйству власть осуществила в 30–50-ые годы XIX века. На протяжении XIX века количество еврейских колоний в южных уездах Екатеринославской губернии выросло до 39, а количество сельскохозяйственных переселенцев до 26 тыс. человек [26, С.65].

Часть евреев-земледельцев занималась на арендованных участках огородничеством, садоводством, табаководством, виноделием, пчеловодством. Однако такие виды деятельности были скорее вспомогательными к основному занятию евреев. Промышленное огородничество развивалось путем заготовительно-торговой деятельности евреев, которые составляли незаурядную конкуренцию сельским торговцам. Кроме того, они славились своим сырным- и масло- производством организованным в помещичьих хозяйствах.

Совсем небольшую группу еврейского населения составляли рабочие. Они преимущественно работали на еврейских фабриках (их по стране было открыто 7,5 тыс., 3 тыс. из них работали в пределах черты оседлости). Еврейские фабрики отличались от других производств меньшими размерами, применением преимущественно ручного труда и мизерной зарплатой. На ткацких фабриках максимальная оплата труда составляла лишь 35 копеек на день [27, С.13].

Заключение

На рубеже веков сформировалась специфическая социальная структура еврейского населения украинских губерний Российской империи. Евреи преобладали в непромышленной сфере экономики. Это тянуло за собой целый ряд проблем социально-политического характера, в первую очередь готовило почву будущих межэтнических конфликтов. Очень часто еврей-ростовщик, торговец был для украинского крестьянина, российского рабочего причиной его жалкого существования, проявления социальной несправедливости. Поэтому не случайно, что именно в Украине в начале XX века сформировались условия деятельности черносотенных движений, для которых одним из идеологических принципов было юдофобство.

В конце XIX – в начале XX вв. быстрыми темпами проходил процесс распада традиционного еврейского общества: эмиграция, стремление получить светское образование, пролетаризация значительной части населения подрывали существующую в еврейских общинах систему ценностей. Все больше и больше евреев, преимущественно молодежь, которая получила светское образование, втягивалась в политическую борьбу. Еврейская интеллигенция выступала за возобновление политических и социально-экономических прав евреев, ликвидацию еврейского гетто в пределах черты оседлости и культурное развитие общества. Умеренные еврейские общественные деятели стремились реализовать данные положения через общественные объединения и политические партии. Общественные организации, по их мнению, должны были постепенно давить на царское

правительство и русское общество, формируя общественное мнение и идеи законодательных реформ. Другая часть, преимущественно эмансипированная молодежь выступала за распространение в Российской империи сионизма.

Примечания:

1. Субботин А.П. Еврейский вопрос в его правильном освещении. СПб., 1903.
2. Кишпер М. Еврейское местечко Украины. Харьков: Пролетарий, 1930.
3. Боровой С.Я. Еврейская земледельческая колонизация в старой России. Политика – идеология – хозяйство – быт. По архивным материалам. М., 1928. 218 с.
4. Филановский А. Правовое положение евреев Украины в Российской империи, УНР и СССР // Запорожские еврейские чтения. Запорожье, 2000. Вып. 4. С. 21-26.
5. Филановский А. Выбор базовых параметров для анализа изменений, происходивших в еврейской общине Украины в XIX – начале XX в. // Материалы Седьмой Ежегодной Международной конференции по иудаике. Ч.1. М., 2000. С. 371-395.
6. Шитюк М.М., Щукін В.В. Єврейське населення Херсонської губернії в XIX – на початку XX століть. Миколаїв, 2008. 221 с.
7. Романюк Н.Й. Роль етнічних громад у розвитку підприємництва Південно-Західного краю Російської імперії // Психолого-педагогічні та культурологічні засади формування особистісної спрямованості студентської молоді: суспільство, професія, сім'я: Матеріали шостої науково-практичної конференції молодих учених, магістрів, студентів. – 6-11 травня 2010 року / За ред.. Л.М. Єршової, І.Є. Копоть, О.Б. Талько, О.М. Пелехатого, О.А. Шоботенко. Житомир: ЖНАЕУ, 2010. С. 181-196.
8. Сингаївські Н.М. Євреї та поляки в суспільно-економічному житті Правобережної України на початку XX ст. / Н.М. Сингаївські // XX століття – етнонаціональний вимір та проблеми Голокосту: збірник наукових праць за матеріалами міжнародної науково-практичної конференції, Житомир, 22-23 жовтня 2010 р. Дніпропетровськ: Вид-во Центр «Ткума», 2001. С. 147-153.
9. Лазанська Т.І. Історія підприємництва в Україні (на матеріалах торгово-промислової статистики XIX ст.) / Т.І. Казанська. К.; Інститут історії України НАН України, 1999. 266 с.
10. Семенюк А.В. Националистическое безумие. Идеология, политика и практика международного сионизма. Минск, 1976.
11. Гульдман В.К. Подольская губерния. Опыт географическо-статистического описания. Каменец-Подольский, 1889. 150 с.
12. Присяжнюк Ю. Українське селянство Наддніпрянської України: соціоментальна історія другої половини XIX – початку XX ст. Черкаси: «Вертикаль», ПП Кандич С.Г., 2007. 640 с.
13. Нариси з історії та культури євреїв України. К.: Дух і Літера, 2005. 440 с.
14. Зингер Л.Г. Социально-экономические итоги разрешения еврейского вопроса в СССР. Очерки социальной истории советского еврейства: Дисс. ... к.и.н. М., 1947. 167 с.
15. Рудницька Н.В. Професійна освіта євреїв Волині у XIX – на початку XX ст. / Н.В. Рудницька // Український історичний журнал. 2001. №6. С. 123-132.
16. Мучник А. Єврейська грошова кооперація: історія, ідеологія, принципи та цінності. К., 2005. 200 с.
17. Погребінська І.М. Правове та економічне становище євреїв в Україні (кінець XIX – початок XX ст.) // Український історичний журнал. 1996. №4. С. 124-132.
18. Нариси з історії та культури євреїв України. К.: Дух і літера, 2005. 440 с.
19. Долгатов А.Г. Правительственная политика по отношению к этноконфессиональным меньшинствам: «еврейский вопрос» в жизни советского общества (ноябрь 1917-го – начало 1930-х годов). СПб., 2002. 204 с.
20. Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. СПб., 1839. Т.14. №12486. С. 594-595.
21. Максимов О.В. Особливості призначення євреїв присяжними засідателями окружних судів Правобережної України в умовах судової реформи 1864 р. _ О.В. Максимов // XX століття – етнонаціональний вимір та проблеми Голокосту: збірник наукових праць за

матеріалами міжнародної науково-практичної конференції, Житомир, 22-23 жовтня 2010 р. – Дніпропетровськ: Вид-во Центр «Ткума», 2001. С. 140-146.

22. Шитюк М.М., Щукін В.В. Єврейське населення Херсонської губернії в XIX – на початку XX століть. Миколаїв, 2008. 221 с.

23. Кучеров С.Л. Евреи в русской адвокатуре // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. М., 2002. С. 404-441.

24. Сингаївські Н.М. Євреї та поляки в суспільно-економічному житті Правобережної України на початку XX ст. // XX століття – етнонаціональний вимір та проблеми Голокосту: збірник наукових праць за матеріалами міжнародної науково-практичної конференції, Житомир, 22-23 жовтня 2010 р. Дніпропетровськ: Вид-во Центр «Ткума», 2001. С. 147-153.

25. Зингер Л.Г. Социально-экономические итоги разрешения еврейского вопроса в СССР. Очерки социальной истории советского еврейства: Дисс. ... к.и.н. М., 1947. 167 с.

26. Лызлова Т.С. Реализация национальной политики Советской власти в отношении еврейского населения 1917–1938: на материалах Смоленской области: Диссертация ... к.и.н. Смоленск, 2004. 252 с.

27. Долгатов А.Г. Правительственная политика по отношению к этноконфессиональным меньшинствам: «еврейский вопрос» в жизни советского общества (ноябрь 1917-го – начало 1930-х годов). СПб., 2002. 204 с.

References:

1. Subbotin A.P. Evreiskii vopros v ego pravil'nom osveshchenii. SPb., 1903.
2. Kipper M. Evreiskoe mestechko Ukrainy. Khar'kov: Proletarii, 1930.
3. Borovoi S.Ya. Evreiskaya zemledel'cheskaya kolonizatsiya v staroi Rossii. Politika – ideologiya – khozyaistvo – byt. Po arkhivnym materialam. M., 1928. 218 s.
4. Filanovskii A. Pravovoe polozhenie evreev Ukrainy v Rossiiskoi imperii, UNR i USSR // Zaporozhskie evreiskie chteniya. Zaporozh'e, 2000. Vyp. 4. S. 21-26.
5. Filanovskii A. Vybory bazovykh parametrov dlya analiza izmenenii, proiskhodivshikh v evreiskoi obshchine Ukrainy v XIX – nachale XX v. // Materialy Sed'moi Ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii po iudaike. Ch.1. M., 2000. S. 371-395.
6. Shityuk M.M., Shchukin V.V. Єврейське населення Херсонської губернії в XIX – на початку XX століть. Миколаїв, 2008. 221 с.
7. Romanyuk N.I. Rol' etnichnikh gromad u rozvitku pidpriemnitstva Pivdenno-Zakhidnogo krayu Rosiis'koї imperii // Psikhologo-pedagogichni ta kul'turologichni zasady formuvannya osobistisnoi spryamovanosti students'koї molodi: suspil'stvo, profesiya, sim'ya: Materiali shostoї nauково-praktichnoї konferentsii molodikh uchenikh, magistriv, studentiv. – 6-11 travnya 2010 roku / Za red.. L.M. Ershovoi, I.E. Kopot', O.B. Tal'ko, O.M. Pelekhatogo, O.A. Shobotenko. Zhitomir: ZhNAEU, 2010. S. 181-196.
8. Singaivs'ki N.M. Євреї та поляки в суспільно-економічному житті Правобережної України на початку ХХ ст. / N.M. Singaivs'ki // XX stolittya – etnonatsional'nii vimir ta problemi Golokostu: zbirnik naukovikh prats' za materialami mizhnarodnoї nauково-praktichnoї konferentsii, Zhitomir, 22-23 zhovtnya 2010 r. Dnipropetrovsk: Vid-vo Tsentr «Tkuma», 2001. S. 147-153.
9. Lazans'ka T.I. Istoriya pidpriemnitstva v Ukraїni (na materialakh torgovo-promislovoi statistiki XIX st.) / T.I. Kazans'ka. K.; Institut istorii Ukraїni HAH Ukraїni, 1999. 266 s.
10. Semenyuk A.V. Natsionalisticheskoe bezumie. Ideologiya, politika i praktika mezhdunarodnogo sionizma. Minsk, 1976.
11. Gul'dman V.K. Podol'skaya guberniya. Opyt geograficheskogo-statisticheskogo opisaniya. Kamenets-Podol'skii, 1889. 150 s.
12. Prisyazhnyuk Yu. Ukraїns'ke selyanstvo Naddnipryans'koї Ukraїni: sotsiometal'na istoriya drugoї polovini XIX – pochatku XX st. Cherkasi: «Vertikal'», 2007. 640 s.
13. Narisi z istorii ta kul'turi evreiv Ukraїni. K.: Dukh i Litera, 2005. 440 s.
14. Zinger L.G. Sotsial'no-ekonomicheskie itogi razresheniya evreiskogo voprosa v SSSR. Ocherki sotsial'noi istorii sovetskogo evreistva: Diss. ... k.i.n. M., 1947. 167 s.
15. Rudnits'ka N.V. Profesiina osvita evreiv Volini u XIX – na pochatku XX st. / N.V. Rudnits'ka // Ukraїns'kii istorichnii zhurnal. 2001. №6. S. 123-132.
16. Muchnik A. Єврейська грошова кооперація: історія, ідеологія, принципи та цінності.

К., 2005. 200 с.

17. Pogrebins'ka I.M. Pravove ta ekonomichne stanovishche evreiv v Ukraïni (kinets' XIX – pochatok XX st.) // Ukraïns'kii istorichnii zhurnal. 1996. №4. S. 124-132.

18. Narisi z istorii ta kul'turi evreiv Ukraïni. K.: Dukh i litera, 2005. 440 s.

19. Dolgatov A.G. Pravitel'stvennaya politika po otnosheniyu k etnokonfessional'nym men'shinstvam: «evreiskii vopros» v zhizni sovetskogo obshchestva (noyabr' 1917-go – nachalo 1930-kh godov). SPb., 2002. 204 s.

20. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. 2-e sobr. SPb., 1839. T.14. №12486. S. 594-595.

21. Maksimov O.V. Osoblivosti priznachennya evreiv prisyzhnimi zasidatelyami okruzhnikh sudiv Pravoberezhnoi Ukraïni v umovakh sudovoi reformi 1864 r. _ O.V. Maksimov // XX stolittya – etnonatsional'nii vimir ta problemi Golokostu: zbirnik naukovikh prats' za materialami mizhnarodnoi naukovo-praktichnoi konferentsii, Zhitomir, 22-23 zhovtnya 2010 r. – Dnipropetrovs'k: Vid-vo Tsentru «Tkuma», 2001. S. 140-146.

22. Shityuk M.M., Shchukin V.V. Evreis'ke naselennya Khersons'koï gubernii v XIX – na pochatku XX stolit'. Mikolaïv, 2008. 221 s.

23. Kucherov S.L. Evrei v russkoi advokature // Kniga o russkom evreistve ot 1860-kh godov do revolyutsii 1917 g. M., 2002. S. 404-441.

24. Singaïvs'ki N.M. Evrei ta polyaki v suspil'no-ekonomichnomu zhitti Pravoberezhnoi Ukraïni na pochatku XX st. // XX stolittya – etnonatsional'nii vimir ta problemi Golokostu: zbirnik naukovikh prats' za materialami mizhnarodnoi naukovo-praktichnoi konferentsii, Zhitomir, 22-23 zhovtnya 2010 r. Dnipropetrovs'k: Vid-vo Tsentru «Tkuma», 2001. S. 147-153.

25. Zinger L.G. Sotsial'no-ekonomicheskie itogi razresheniya evreiskogo voprosa v SSSR. Ocherki sotsial'noi istorii sovetskogo evreistva: Diss. ... k.i.n. M., 1947. 167 s.

26. Lyzlova T.S. Realizatsiya natsional'noi politiki Sovetskoi vlasti v otnoshenii evreiskogo naseleniya 1917–1938: na materialakh Smolenskoï oblasti: Dissertatsiya ... k.i.n. Smolensk, 2004. 252 s.

27. Dolgatov A.G. Pravitel'stvennaya politika po otnosheniyu k etnokonfessional'nym men'shinstvam: «evreiskii vopros» v zhizni sovetskogo obshchestva (noyabr' 1917-go – nachalo 1930-kh godov). SPb., 2002. 204 s.

УДК 94(477.7): XIX-XX

Социально-экономическая стратификация еврейского населения украинских губерний Российской империи конца XIX – начала XX века

Виктор Олегович Доценко

Национальный университет Государственной налоговой службы Украины
08289 Украина, Киевская обл., пгт. Гостомель, ул. Вишневая, 115б,
E-mail: dozenkov@ukr.net

Аннотация. Объектом исследования есть история еврейской общины украинских губерний Российской империи на протяжении XIX в. В статье рассматривается социально-экономическое состояние еврейской общины украинских губерний на протяжении XIX века, анализируются предпосылки создания национальных еврейских общественных организаций в Российской империи в начале XX века. На рубеже веков сформировалась специфическая социальная структура еврейского населения украинских губерний Российской империи. Даже поверхностный анализ, сопоставления социальной структуры еврейского и других этносов, позволяет сделать вывод о преобладании среди евреев региона представителей купеческой, ремесленной и ростовщической социальных групп. Преобладание евреев в непроизводственной сфере приводило к межэтническим конфликтам с представителями украинского и польского этносов.

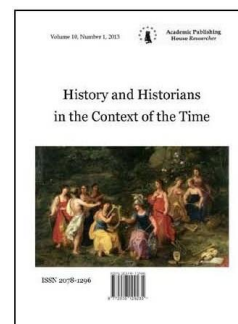
Ключевые слова: евреи; купцы; проценщики; ремесленники; «черта оседлости»; местечко; Правобережная Украина; Российская империя.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2014.
ISSN: 2078-1296
Vol. 13, No. 2, pp. 84-91, 2014

DOI: 10.13187/issn.2078-1296
www.ejournal3.com

UDC 94

“I’ll Either Leave or Die”: The “Exodus” Moods of the Intelligentsia of Southern Russian Cities in the Early 1920

Anna N. Ereemeeva

Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage names after D.S. Likhachov, Russian Federation
Dr. (History), Professor

Abstract

This article attempts to reconstruct the emotional state of the intelligentsia of cities in Kuban and the Black Sea area in the early 1920s. The subject of the study is, above all, the capital’s intelligentsia who fled to the South during the Civil War, and after its close were doing their best to return.

Keywords: South of Russia; early 1920s; intelligentsia; emotional state; province-center.

Введение

Одним из социокультурных последствий революционных событий 1917 г. стало изменение географии культуры. Всеобщая нестабильность и разруха, частая смена политических режимов сочетались с активной организаторской деятельностью властных структур, общественных, профессиональных, творческих союзов, а также массовой миграцией на Юг столичных культурных сил. Процесс миграции начался еще в годы Первой мировой войны, когда на территории, удаленные от линии фронта, из западных регионов эвакуировались вузы, художественные коллективы и т.д. Массовое перемещение интеллигенции из столичных городов на периферию происходило в 1918–1919 гг.

«Город когда-то был тихой станицей,

Но неожиданно стал он столицей.

В несколько лет населения число

В десять или более раз возросло» – писал о Екатеринодаре тогда еще не всенародно известный детский поэт, а ведущий фельетонист местной газеты «Утро Юга», переводчик английской поэзии Д-р Фрикен (С.Я. Маршак) [1]. Ему вторили (уже в прозе) Н. Тэффи, З. Жемчужная, М. Волошин и другие, побывавшие в городе в годы Гражданской войны.

Не только Екатеринодар, но и другие центры всероссийского беженства (на Юге это были Одесса, Киев, Харьков, Ростов-на-Дону, Новороссийск, города Крыма) в сознании современников приобретали статус новых культурных центров в противовес старым – российским столицам. Основой насыщенной культурной жизни новых центров стало сотрудничество провинциальной и столичной интеллигенции.

Окончание Гражданской войны означало кардинальное изменение социокультурной ситуации и достаточно быстрое восстановление прежней конфигурации «центр-провинция». Соответственно изменился и статус интеллигенции, «унесенной ветром революции» на Юг.

В данной статье сделана попытка реконструировать эмоциональное состояние деятелей науки и культуры, живших в начале 1920-х гг. на Кубани и Черноморье, однако «видевших» свое самое ближайшее будущее в столицах.

В качестве источников выступают в основном мемуары, дневники, личная переписка, художественные тексты, делопроизводственная документация органов управления образованием, периодическая печать.

Обсуждение

В период радикальных и стремительных перемен все члены общества одинаково испытывают чувство растерянности, неуверенности в будущем, лишаются надежных ориентиров. Как справедливо заключил исследователь Гражданской войны в России И.В. Нарский, большинство людей жило в те трагические годы растительной жизнью и приспосабливалось как могло [2].

Уже в конце 1919 года многим стало ясно, что дни Белой армии сочтены, и установление советской власти на всей территории России, в том числе и на Юге, неизбежно. Перспектива жизни в советской России воспринималась по-разному. Одни поспешили уехать в портовые города и дожидаться первого же подходящего судна, чтобы покинуть Россию. Другие пытались смоделировать отношения с будущими правителями.

Большинство интеллигенции не видело особенной угрозы со стороны советской власти себе лично и своей профессиональной деятельности. Их уверенность опиралась на кратковременный опыт сотрудничества в 1918, а на Украине и в Крыму и в 1919 годах. Литераторы и журналисты, правда, смотрели в будущее без оптимизма, прогнозируя закрытие газет, национализацию издательств, типографий, снижение спроса на журналистскую работу. Те, кто выступал в годы Гражданской войны с антисоветскими публикациями, не исключали возможности карательных санкций со стороны новой власти. Но в то же время они знали, что собственных кадров – грамотных, владеющих словом, опытных – у революционной власти недостаточно и журналистов-профессионалов так или иначе вынуждены будут привлечь к работе. Кто-то рассчитывал на реабилитирующее воздействие прошлых политических заслуг: конфронтацию с властными структурами царской России, участие в Первой русской революции.

Советская власть, как известно, проявила большую заинтересованность в широком сотрудничестве с интеллигенцией. А для интеллигенции альтернативы такому сотрудничеству не было: оно логично вытекало из самого решения остаться в России.

Многие представители интеллигенции были привлечены к работе в качестве инструкторов, заведующих подсекциями и секциями местных отделов народного образования. Они в начале 1920-х годов по степени компетентности сотрудников практически не уступали аналогичным органам Москвы и Петрограда. Так, в Кубано-Черноморском областном подотделе искусств работали С. Маршак, А. Юнгер (художник «сатириконовец»), в Новороссийском городском – В. Мейерхольд, Ф. Гладков, А. Рославлев. Журналисты, в большинстве своем, сотрудничали в местных отделениях РОСТА, в пресс-бюро при Политпросветах, информационных бюро различных учреждений.

На Юге России быстрыми темпами шло вузовское строительство, поэтому ученые были чрезвычайно востребованы. Руководители вузов, еще недавно сотрудничавшие с денкиным, врагелевским, казачьими правительствами, теперь неизбежно вступали в контакт с новой властью по поводу финансирования, снабжения топливом, устройства судеб преподавателей и студентов.

По ходатайству глав отделов народного образования, вузов и научных учреждений находящуюся на службе интеллигенцию освобождали от реквизиции и трудовой повинности по очистке улиц, обеспечивали по возможности жильем и питанием (выдавали удостоверения для получения обедов в советских столовых). Однако многие не избежали и арестов, и реквизиций. Председателя «Союза возрождения России» В. Мякотина, некоторое время работавшего научным сотрудником архивной комиссии Кубано-Черноморского ОНО [3], в конце 1920 г. по решению Верховного революционного трибунала арестовали и препроводили в Москву. Непродолжительное время провели под арестом известный ученый, изобретатель телевидения и один из «отцов» высшего политехнического образования на Кубани Б.Л. Розинг, А.А. Юнгер, С.Я. Маршак. Имущество ряда профессоров

было реквизировано. Почвовед А.А. Ярилов даже написал письмо В.И. Ленину, в котором жаловался на произведенное 24 марта 1921 г. «Чрезвычайным штабом по ущемлению, уплотнению и выселению буржуазии» изъятие имущества, «вплоть до игрушек больной (на костылях) дочери и бинтов больной же жены», на то, что в результате реквизиций «погибли две законченные почти научные работы, а также наполовину обработанные материалы, результат 12-летнего труда по “Биологическому обоснованию трудовой теории ценности”»[4]. Письмо возымело силу. По телеграмме В.И. Ленина решением Кубано-Черноморского исполкома вещи были возвращены.

Уже на заре 1920-х годов власть хотела знать все не только об интеллектуальном уровне, квалификации, но и о политическом облике тех, кому доверены сферы образования и культуры. В «Анкету для лиц, состоящих на службе в Кубанском политехническом институте» были включены вопросы о социальном происхождении, членстве в партиях и союзах, об имеющейся недвижимости, о воинской службе, местопребывании и профессиональной деятельности в период правления Деникина. Предлагалось изложить также собственный взгляд «на сущность и задачи настоящего момента и ближайшие перспективы»[5].

Реальным препятствием для трудоустройства была служба в Белой армии в качестве офицера или чиновника. Однако в отношении отдельных лиц делались исключения. Например, художник С.В. Воинов, признавшийся, что «состоял на службе в белой армии в качестве военного чиновника» по ходатайству Отдела народного образования Кубано-Черноморского ревкома освобождался от явки по мобилизации бывших военных чиновников распоряжением Особоуполномоченного Реввоенсовета Кавфронта товарища Атарбекова... и снят с учета в Особом отделе N армии»[6].

Поддержка антибольшевистских сил в иных формах могла и вовсе не приниматься во внимание. Сохранился документ следующего содержания: «Мы, нижеподписавшиеся, сотрудники Подотдела искусств ОНО даем настоящую подписку о том, что никогда не состояли ни чиновниками, ни офицерами белой армии»[7]. Одной из первых под ним стоит подпись художника А.А. Юнгера, еще недавно рисовавшего карикатуры на большевиков, в т.ч. в екатеринодарском журнале «Шипы».

Планы монументальной пропаганды, художественное оформление празднеств осуществлялись нередко вчерашними авторами антисоветской агитпродукции (такими как А. Юнгер); революционные песни, репертуар театров революционной сатиры писали, главным образом, те, кто еще недавно в хлестких куплетах и фельетонах высмеивал пороки большевистского правления. Типичный пример: в 1919 г. в Ростове-на-Дону вышла поэма известного поэта-сатирика Е.Венского (Е.О. Пяткина) «Любям вольных гор», где автор, сотрудничавший с отделом пропаганды деникинского Осведомительного агентства (Освага), гневно бичевал «красную орду», превратившую жизнь горцев в сплошной кошмар. В 1922 г., уже находясь на службе у «красной орды», Е. Венский издал в Краснодаре пьесу «Буржуй в переплете» о трудовом перевоспитании буржуазии. В дальнейшем ситуация менялась: прошлое человека (до революции и в революционные годы) стало одним из важных показателей благонадежности или ее отсутствия.

Интенсивность южнороссийской культурной жизни начала 1920-х годов во многом была связана с организаторской и творческой деятельностью столичных мастеров. В это время еще продолжали работать многочисленные старые художественные коллективы и учреждения культуры, в том числе и созданные в период Гражданской войны. Государство по возможности старалось финансировать их. В итоге, например, жители Новороссийска имели возможность видеть на сцене Театра имени Ленина «Нору» Г. Ибсена в постановке В. Мейерхольда.

Уникальным можно назвать кадровый состав южнороссийских вузов в начале 1920-х гг. Несмотря на эмиграцию части профессуры, здесь первое время продолжали работать те, кто до революции преподавал в самых престижных университетах и институтах [8].

Остро стоявшая в те годы проблема детской беспризорности и безнадзорности требовала совместных усилий и эффективных мер. Уникальным явлением стал екатеринодарский (краснодарский) Театр для детей в рамках Детского городка, вокруг которого сгруппировались лучшие творческие силы. Ведущими актерами там были Д. Орлов – будущий народный артист РСФСР и его жена – актриса и режиссер А. Богданова. Музыка к

спектаклям писали известные композиторы С. Богатырев и В. Золотарев (ученик Балакирева), декорации создавали петербургский художник С. Воинов и ученик Л. Бакста Я. Гарбуз. В Театре для детей фактически родились как детские писатели С. Маршак и Е. Васильева (Черубина-де-Габриак). На сцене театра были впервые поставлены такие впоследствии известные пьесы как «Кошкин дом», «народная кукольная комедия» «Петрушка», «Горе-злосчастье» (последующее название «Горя бояться – счастья не видать»).

Уже в 1920 г. москвичи и петроградцы, уверенные в собственной востребованности в столицах и непорочности политической репутации, стали покидать Юг. 22 мая 1920 г. В. Мейерхольд («за спиной» у которого был, помимо широкой известности, опыт сотрудничества с большевиками и пребывание за это в деникинской тюрьме) писал А.В. Луначарскому: «Дорогой товарищ Анатолий Васильевич, как только закончу начатую здесь работу, так тотчас отправлюсь в Москву. Семью свою... отправляю вперед»[9]. К Мейерхольду по поводу протекции для переезда в столицы позже обращались многие из недавних южнороссийских коллег. Один из них – проживший более десяти лет на Кубани писатель и журналист, член РСДРП с 1905 г., будущий сталинский лауреат и ректор Литературного института Ф.В. Гладков. Его письма – эмоциональные, настойчивые – свидетельство непреодолимого желания переехать в Москву. «Спасите... меня из Новороссийской ямы. Ради бога, немедленно телеграфируйте через ВЦИК как члена партии, пишите, как найдете удобным и более скорым, - через Луначарского и т.д. – лишь бы я мог как можно скорее тронуться отсюда» – писал он [10]. Не дождавшись ответа, Гладков 5 декабря 1920 г., высылая Мейерхольду свою пьесу для «продвижения», сопровождает пакет более корректным, чем предыдущий, но не менее настойчивым текстом: «Вы знаете, что я прикован к Новороссийску и без вашей помощи ничего не могу предпринять. Жду ответ на письмо, в котором я просил помочь перебраться мне в Москву. Сейчас работаю в «Красном Черноморье» (уже три месяца) и назначен редактором газеты. Много и увлечением работаю над усовершенствованием ее.... Еще просьба, которую я повторяю еще раз: нельзя ли все-таки меня перетащить в Москву? Напишите, пожалуйста. Я член партии, и для переселения необходимо, кажется, действовать через ЦК или через Луначарского. Впрочем, Вам виднее»[11]. В 1921 г. желанный переезд состоялся.

Переход от «военного коммунизма» к нэпу вызвал сокращение государственных дотаций на образование и культуру. Часть учреждений перепрофилировали или закрыли, многие вузы стали техникумами. С 1921 г. основная роль в содержании учреждений образования и культуры отводилась местному бюджету. Так как зарплата подолгу не выплачивалась, многие сотрудники вынуждены были искать заработки вне основного места работы. Ситуацию усугубил разразившийся голод. Особенно тяжелой выдалась зима 1921-1922 гг. Сатирик Е. Венский писал в Кубано-Черноморский обком партии, сетуя на большую задолженность от областного Политпросвета: «Теперь я уже давно и упорно не обедаю, работаю 3-4 часа в сутки, остальное время хлопочу о гонораре» [12].

Служащие областного Отдела народного образования (Оботнароба) 26 июня 1921 г. написали на имя руководителя Отдела М.А. Алексинского заявление следующего содержания: «Второй день не получаем хлеба по продкарточкам, между тем как другие учреждения, т.н. ударные, как-то Обком, Совнархоз и т.д. получают аккуратно ежедневно. Большинство из нас не имеют возможности покупки хлеба на рынке по вольной цене»[13].

Л.Б. Твелькмейер – дочь Б.Л. Розинга, в начале 1920-х гг. – студентка вспоминала: «А жизнь в Краснодаре, как стал теперь называться Екатеринодар, становилась все труднее, от бывшего изобилия не осталось и следа, были введены карточки. Начался голод в Поволжье, и на Кубань хлынуло много беженцев, что ухудшало положение с продовольствием. Папа, конечно, получал зарплату, но на базаре купить было почти что нечего, разве что обменять вещи на кукурузную муку...»[14]

В это же время экономическое положение в столицах несколько нормализовалось; нэп возродил надежды интеллигенции на демократизацию, вслед за экономической, общественно-политической сферы. Медленно, но налаживалось железнодорожное сообщение с Москвой.

Сочетание данных факторов (потеря «былого изобилия» и стабилизация ситуации в центре) стало толчком для намеревавшихся покинуть провинцию. Это подтверждают тексты

источников личного происхождения. Особенно красноречиво письмо В. Мейерхольду, датированное 10 июня 1921 г., от молодого актера Д. Орлова, игравшего в начале 1920-х гг. в театрах Новороссийска и Краснодара. «Давно желанный переход в Москву считаю полной мерой на пути своем актерском. ... Повторяю. В Москву давно хотелось. Из Краснодара плыть да быть... Москва меня полонила. Теперь здесь, в полном театральном бесплодии и мути, так скверно. Пугал голод московский, но теперь и богатая «вольная» Кубань не отстает от Москвы. Все равно и здесь приходится бегать целый день по клубам, добывая хлеб насущный» – писал он [15]. «В городе становилось неуютно, голодно, все петроградцы начали себя чувствовать на отлете, наши родные засыпали нас письмами, что хватит нам сидеть на Кубани, что в Петрограде жизнь наладилась, никто не голодает, все живут в нормальных условиях» – вспоминала Л.Б. Твелькмейер [16].

«С точностью до наоборот» повторилась трехлетней давности ситуация в голодных революционных столицах, которую Н. Тэффи описала так: «Перспектив никаких. Все складывалось так, что нужно было ехать. И все кругом хлопотали о выезде, а если не хлопотали, не имея на успех никаких надежд, то хоть мечтали» [17]. Тогда большинство беженцев выбрало южное направление. Теперь они мечтали о том, чтобы как можно быстрее двинуться в обратный путь, на север.

В новой ситуации жизнь в провинции стала казаться скучной и неинтересной, несмотря на постоянную занятость, связанную с работой сразу в нескольких учреждениях. «Здесь мало людей, с которыми можно говорить... Хотя сейчас так трудно говорить вообще, так трудно, что масса времени уходит на внешнее, а быт съедает жизнь» – жаловался библиографу Е.Я. Архипову, жившему в Новороссийске, Б.А. Леман, профессор Кубанского института народного образования, один из основателей Театра для детей, друг С.Я. Маршака и Е.И. Васильевой [18].

Романтичная и эмоциональная Е.И. Васильева в письмах 1921-1922 гг. из Краснодара тому же Архипову сделала тему отъезда в северную столицу одной из сквозных. Кроме общих рассуждений, типа «опять хочется на север», «трудно здесь стало», «или уеду, или умру – больше уже нельзя», она мотивирует свое желание. Важнейшим мотивом выступает тоска по родному городу: «я скучаю по Петербургу, такой долгой разлуки с ним еще не было никогда», «я люблю его, так люблю, как, может быть, ни одного человека не любила в жизни», «думаю, что мой угол должен быть на севере, думаю, что в тумане и дожде мне будет привольней дышаться, чем здесь» [19]. В канун рождества Васильева с грустью вспоминает «прежние елки, еще дома, на севере» [20]. Она скучает по петербургской комнате, «затянутой темно-лиловыми розами, о бюсте Данте из мрамора, о старинной, затканной жемчугом иконе “Всех Скорбящих”, о гравюре ХУІ века – св. Тереза, о письменном столе красного дерева и темном фиалковом кресле...» [21]. Даже в южном климате, по сравнению с северным, находятся изъяны: «Никак не могу принять того, что здесь только три времени года: нет весны. И как-то все чувства неспособны к такому быстрому переходу» [22].

Меры, способствовавшие скорейшему отъезду, предпринимали многие. Этот процесс фрагментарно отражен в источниках, однако воплотился в конечных результатах. В рамках командировок в Москву и Петроград за оборудованием и нормативными материалами вузовские профессора выясняли возможность собственного трудоустройства. Многие списывались с бывшими коллегами, узнавая о вакансиях и условиях работы. Дочь Б.Л. Розинга вспоминала: «За папой местные власти и Наркомпрос очень ухаживали, хотели его всеми силами удержать как полезного человека, пугало проснувшееся у всех стремление вернуться в Москву и Петроград, это очень оголяло фронт народного образования, который держался главным образом на приезжих, оказавшихся неблагодарными, как считал папа, – пока было хорошо, так сидели, а теперь бегут» [23]. Однако процесс бегства в столицу остановить было невозможно. Вскоре в ряды «бегущих» влился и Б.Л. Розинг. Как писал ректор Кубанского медицинского института Н.Ф. Мельников-Разведенков, «один за другим потянулись на Север, в свои насиженные научные гнезда осевшие временно на Кубани ученые...» [24].

На Юг шли телеграммы за подписью А.В. Луначарского: ценных, с точки зрения руководства, кадров просили командировать в распоряжение Наркомпроса. Предполагалась, что уникальный опыт, накопленный в провинции, будут транслироваться в

столицах. Одна из телеграмм, датированная 29 апреля 1922 г., касалась организаторов Театра для детей: «Прошу откомандировать Москву распоряжение Наркомпроса Елизавету Ивановну Васильеву, Бориса Алексеевича Лемана, Самуила Яковлевича Маршака. Прошу предоставить им срок выезда, удобства переезда. Маршаку с семьей. Наркомпрос Луначарский»[25]. Телеграмма поступила 4 мая, а уже 5 мая все, упомянутые в телеграмме, обратились с соответствующим заявлением к руководителю Оботнароба М.А. Алексинскому[26]. В начале лета они покинули Краснодар. Маршак и Васильева с сентября этого же года начали работать в литературной части Петроградского ТЮЗа. Их совместный сборник «Театр для детей», первое издание которого вышло в свет в Краснодаре в 1922, был переиздан в Москве и Ленинграде. В рабочем кабинете С.Я. Маршака несколько десятилетий висел красочный эскиз декорации к поставленной в Краснодаре пьесе по сказке О. Уайльда «Молодой король» с надписью «Дорогому Самуилу Яковлевичу на память о нашей общей работе и нашем театре для детей – начало его отсюда. Будем же с благодарностью помнить об этом времени. Елизавета Васильева. 1923 г. СПб., 5 марта» [27].

Лежавшие «на поверхности», излагавшиеся в письмах и, вероятно, устно причины переезда сводились к желанию вернуться на место прежнего проживания и/или профессионально реализоваться в столичном городе. То, о чем молчали, касалось желания отдалить себя (хотя бы географически) от сотрудничества с несоветскими режимами, имевшего место в 1918 – начале 1920 г. Ведь за плечами у многих представителей интеллигенции, живших на Юге в годы Гражданской войны, был такой опыт (работа в Осваге, в несоветских изданиях, органах образования несоветских правительств и т.д.). «Редактирование» автобиографий происходило уже в рамках заполнения первых анкет советских организаций и продолжалось в течение многих десятилетий советской власти. Например, в биографии С.Я. Маршака революционные годы ассоциировались с созданием Театра для детей после установления власти Советов в 1920 г., а вовсе не с длительным сотрудничеством в антисоветской газете «Утро Юга». Его сборник стихотворных фельетонов «Сатиры и эпиграммы» (Екатеринодар, 1919), часть из которых имела ярко выраженную антисоветскую направленность, даже в начале 1990-х годов называли «сборником дореволюционных стихов»[28].

Историк литературы М. Чудакова справедливо утверждала, что «формирование двусмысленной литературной атмосферы советского времени в немалой степени было связано с тем, что очень многие... столичные литераторы были хорошо осведомлены о той части социальной и литературной биографии друг друга, которая относилась к 1918–1920 годам, – и последующее перекрашивание как бы предполагало взаимную скромность»[29]. Это же относилось к представителям других профессиональных групп интеллигенции.

Разумеется, выездными настроениями не были охвачены абсолютно все представители интеллигенции. Некоторые, хорошо известные в столицах по дореволюционной деятельности «во славу царя и отечества», наоборот сочли Кубань относительно безопасным местом. Кубанская студентка конца 1920-х Валентина Богдан, будучи в эмиграции, в мемуарах вспоминала комментарии сокурсника, утверждавшего, что уникальный состав профессоров кубанских вузов связан с тем, что «во время революции и Гражданской войны многие ученые бежали на юг... Многие осели здесь навсегда. Некоторые профессора были еще замечательны и своим прошлым: один из них преподавал физику Наследнику Престола, другой работал в прокуратуре Святейшего Синода, третий бывший барон»[30]. Речь шла о профессорах Э. П. Цытовиче (в годы Гражданской войны он был управляющим Ведомством народного просвещения Кубанского краевого правительства), ректоре Кубанского сельскохозяйственного института (вскоре репрессированном) Н.А. Ленском, в 1918-1919 гг. занимавшем ответственные должности в деникинском Осваге. Настоящее имя барона, «профессора диалектического материализма» пока выяснить не удалось (мемуаристка называет его вымышленной фамилией – Розенберг).

Заключение

Учитывая все отмеченное выше, следует заключить, что большая часть недавних беженцев из столиц и те, кто чувствовал в себе силы для их покорения, в 1921–1924 гг.

покинула регион. Судьбы их сложились по-разному. Заметными фигурами в культурной жизни страны Советов стали С.Я. Маршак, Ф.В. Гладков, Д.Н. Орлов. Успешная деятельность многих (В.Э. Мейерхольда, Б.Л. Розинга, Е.И. Васильевой, Е.О. Пяткина (Венского), Б.А. Лемана, А.А. Юнгера и др.) была прервана или приостанавливалась репрессиями. В анкетах и автобиографиях они наполняли свои «южные страницы» исключительно данными о работе в советских учреждениях культуры и образования, при этом избегая даже упоминания о периоде, предшествующем установлению советской власти.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект 14-01-00239 «Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920-1930-х годов в ракурсе культурной истории эмоций».

Примечания:

1. Д-р Фрикен Сказочный город // Куценко И.Я. С.Я. Маршак в Екатеринодаре–Краснодаре. 1918-1922. Краснодар: РОИ РИПО «Адыгея», 1997. С. 405-406.
2. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. С. 26.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р 365. Оп. 1. Д. 19. Л. 190.
4. Куценко И.Я. Кубанский государственный технологический университет. История и современность. Краснодар, 1999. С. 92-93.
5. Анкеты имеются в личных делах преподавателей Кубанского политехнического института (ГАКК Ф. Р 229. Оп. 1).
6. ГАКК. Ф. Р 365. Оп. 5. Д. 30. Л. 24.
7. ГАКК. Ф. Р 365. Оп. 5. Д. 30. Л. 31.
8. См.: Еремеева А.Н. Наука и власть: кубанский контекст (1917–1941 гг.) / А.Н. Еремеева, А. Ю. Рожков, М.Р. Стругова. Краснодар, 2010. Гл. 1.
9. В.Э. Мейерхольд. Переписка, 1896–1939 / сост. В.П. Коршунова, М.М. Ситковецкая. М.: Искусство, 1976. С. 204.
10. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 998. Оп. 1. Д. 1378. Л. 1.
11. В.Э. Мейерхольд. Переписка, 1896-1939. С. 210
12. ГАКК. Ф. Р. 365. Оп. 1. Д. 1282. Л. 158.
13. ГАКК Ф. Р 365. Оп. 3. Д. 39. Л. 6
14. Твелькмейер Л.Б. Мой отец и его окружение // Нестор № 12. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Русская жизнь в мемуарах. Из семейных архивов. СПб, 2008. С. 93
15. В.Э. Мейерхольд. Переписка, 1896-1939. С. 211.
16. Твелькмейер Л.Б. Мой отец и его окружение. С. 93.
17. Тэффи Н. Воспоминания / Ностальгия: рассказы. Воспоминания. Л.: Художественная литература, 1989. С. 425.
18. Черубина де Габриак. Из мира уйти неразгаданной... Феодосия-Москва, 2009. С. 90.
19. Там же. С. 91-106.
20. Там же. С. 98.
21. Там же. С. 104.
22. Там же. С. 91.
23. Там же. С. 96.
24. Мельников-Развеев Н.Ф. Медицина и краеведение // Известия ОЛИКО. Вып. 9. Краснодар, 1925. С. 203.
25. ГАКК. Ф. Р 365. Оп. 3. Д. 39. Л. 103.
26. Там же. Л. 104.
27. Маршак И.С. От детства к детям // Жизнь и творчество Самуила Яковлевича Маршака. М.: Детская литература, 1975. С. 453-454.
28. Кушлина О.Б. Маршак Самуил Яковлевич // Русские писатели. 1800-1917. Бимографический словарь. Т.3. М.: БСЭ, 1994. С. 538.
29. Чудакова М. Об Илье Эренбурге и Еве Берар // Звезда. 1993. №9. С. 184.
30. Богдан В. Студенты первой пятилетки. Буэнос-Айрес, 1973. С. 23.

References:

1. D-r Friken Skazochnyj gorod // Kucenko I.Ya. S.Ya. Marshak v Ekaterinodare–Krasnodare. 1918-1922. Krasnodar: ROI RIPO «Adygeya», 1997. S. 405-406.
2. Narskij I.V. Zhizn' v katastrofe. Budni naseleniya Urala v 1917-1922 gg. M.: ROSSPEHN, 2001. S. 26.

3. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja. (GAKK). F. R 365. Op. 1. D. 19. L. 190.
4. Kucenko I.YA. Kubanskij gosudarstvennyj tekhnologicheskij universitet. Istoriya i sovremennost'. Krasnodar, 1999. S. 92-93.
5. Ankety imeyutsya v lichnyh delah prepodavatelej Kubanskogo politekhnicheskogo instituta (GAKK F. R 229. Op. 1).
6. GAKK. F. R 365. Op. 5. D. 30. L. 24.
7. GAKK. F. R 365. Op. 5. D. 30. L. 31.
8. Sm.: Eremeeva A. N. Nauka i vlast': kubanskij kontekst (1917-1941) / A.N. Eremeeva, A.Yu. Rozhkov, M.R. Strugova. Krasnodar, 2010. Gl. 1.
9. V.Eh. Mejerhol'd. Perepiska, 1896-1939 / sost. V. P. Korshunova, M. M. Sitkoveckaya. M.: Iskusstvo, 1976. S. 204.
10. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva. F. 998. Op. 1. D. 1378. L. 1.
11. V.Eh. Mejerhol'd. Perepiska, 1896-1939. S. 210
12. GAKK. F. R. 365. Op. 1. D. 1282. L. 158.
13. GAKK F. R 365. Op. 3. D. 39. L. 6
14. Tvel'kmejer L.B. Moj otec i ego okruzhenie // Nestor № 12. ZHurnal istorii i kul'tury Rossii i Vostochnoj Evropy. Russkaya zhizn' v memuarah. Iz semejnyh arhivov. SPb, 2008. S. 93.
15. V.Eh. Mejerhol'd. Perepiska, 1896-1939. S. 211.
16. Tvel'kmejer L.B. Moj otec i ego okruzhenie. S. 93.
17. Tehffi N. Vospominaniya / Nostal'giya: rasskazy. Vospominaniya. L.: Hudozhestvennaya literatura, 1989. S. 425.
18. Cherubina de Gabriak. Iz mira ujti nerazgadannoj... Feodosiya-Moskva, 2009. S. 90.
19. Tam zhe. S. 91-106.
20. Tam zhe. S. 98.
21. Tam zhe. S. 104.
22. Tam zhe. S. 91.
23. Tam zhe. S. 96.
24. Mel'nikov-Razveenkov N. F. Medicina i kraevedenie // Izvestiya OLIKO. Vyp. 9. Krasnodar, 1925. S. 203.
25. GAKK. F. R 365. Op. 3. D. 39. L. 103.
26. Tam zhe. L. 104.
27. Marshak I.S. Ot detstva k detyam // ZHizn' i tvorchestvo Samuila YAKovlevicha Marshaka. M.: Detskaya literatura, 1975. S. 453-454.
28. Kushlina O.B. Marshak Samuil YAKovlevich // Russkie pisateli. 1800-1917. Bimograficheskij slovar'. T.3. M.: BSEH, 1994. S. 538.
29. Chudakova M. Ob Il'e EHrenburge i Eve Berar // Zvezda. 1993. №9. S.184.
30. Bogdan V. Studenty pervoj pyatiletki. Buehnos-Ajres, 1973. S. 23.

УДК 94

«Или уеду, или умру»: «выездные» настроения интеллигенции южнороссийских городов в начале 1920-х гг.

Анна Натановна Еремеева

НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Южный филиал
350063, Краснодар, ул. Красная, 28, оф. 28.
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: eranna2000@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята реконструкция эмоционального состояния интеллигенции городов Кубани и Черноморья в начале 1920-х гг. Объектом исследования выступает, прежде всего, столичная интеллигенция, бежавшая на Юг в годы Гражданской войны, а после ее окончания предпринимавшая все возможное для возвращения обратно.

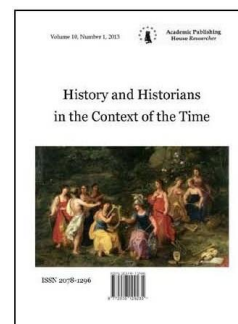
Ключевые слова: Юг России; начало 1920-х гг.; интеллигенция; эмоциональное состояние; центр-провинция.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2014.
ISSN: 2078-1296
Vol. 13, No. 2, pp. 92-100, 2014

DOI: 10.13187/issn.2078-1296
www.ejournal3.com

UDC 94(477) «1900/1916» (093.3)

Memoiristics as a Meta-Genre of Historical Literature (through the Example of the Reminiscences of Participants in and Witnesses of the Peasant Movement in Ukraine in the Early 20th Century)

Dmytriy Kudinov

Kyiv National University, Ukraine
01033, Kyiv, Vladymyrska str., 60
Dr. (Philosophy)
E-mail: dmytro.kudinov@gmail.com

Abstract

In this article, the author examines the term “memoirs” and cites existing classifications of memoir literature. The article proposes the author’s concept for classifying the reminiscences of participants in and witnesses of the peasant movement in Ukraine in the early 20th century. The author notes that memoir literature dedicated to the peasant movement can be examined through the prism of the proposed classification scheme, which will help get an answer to a number of questions posed in the procedure for analysis of reminiscences – the authorship-attribution of the source, the memoirist’s world-perception and views, the degree of proximity to events described, the degree of competence and logicalness of judgments, the author’s expression, operant motives for writing a memoir work, and the specific, genre, and stylistic nature of reminiscences – as well as identify their content fragments.

Keywords: memoirs; memoiristics; memoir sources; creative memoir writing; diaries; memory; autobiography; documents; peasant movement.

Введение

Воспоминания современников крестьянского движения в Украине являются частью довольно крупного комплекса отечественной мемуарной литературы, что понуждает выделить их отличительные признаки. Последнее, однако, вызывает определенные трудности, связанные с переменными интерпретациями базовых понятий «мемуары», «мемуаристика», а также с имеющимися расхождениями в типологии мемуаров. Полагаем необходимым рассмотреть эту проблему более подробно, уточнив сам термин «мемуары» и охарактеризовав существующие в гуманитарной области знаний подходы к классификации воспоминаний. Это позволит проанализировать содержания идейной композиции мемуаристики крестьянского движения.

Материалы и методы

В основе статьи использованы публикации советских, российских, украинских историков и литературоведов, исследующих проблему содержания и жанровой интерпретации мемуаров. Автор данной статьи использовал следующие методы:

фактографический, позволяющий рассматривать мемуары как источники общественно-политических процессов, отношений в их конкретике, и историко-источниковедческий, предполагающий выявление в воспоминаниях наслоений определенной идеологии, характеристик социально-психологической среды, отразившиеся на идейных установках и мировоззрении авторов. Помимо специальных использовались и общенаучные методы познания – сравнения, анализа, конкретизации.

Обсуждение

Толкование мемуаров связано с этимологией слова мемуары от «*mémoire*» (фр.) – память, воспоминание. Соответственно, понятие «мемуары», в целом, получает одинаковое значение – события, запечатленные памятью автора и описанные им. Так, В. Даль рассматривал понятие «мемуары» в значении «жизненные записки», а также «события, описанные очевидцем, современником» [1, с. 384]. В энциклопедии Брокгауза и Ефрона дается следующее толкование названного термина – «записки современников-рассказ о событиях, в которых автор мемуаров принимал участие или которые известны ему от очевидцев» [2, с. 70]. Данное определение нельзя назвать полным, поскольку автор воспоминаний может находиться в другом статусе, например, наблюдателя. Это в определенной мере учтено в статье Большой Советской Энциклопедии (БСЭ), где мемуары определяются как специфический литературный жанр, основой которого являются воспоминания о прошлом, написанные участниками или современниками каких-либо событий [3, с. 64]. В толковом словаре современного украинского языка В. Т. Бусела несколько иными словами дается подобное определение: мемуары – «литературное произведение в форме записок, написанное от первого лица – участника или свидетеля отраженных в нем событий» [4, с. 658]. Современная российская исследовательница литературовед Т. Колядич в определении мемуаров опирается на их метажанровую структуру, «где сочетаются элементы лирической повести, биографической истории, литературного портрета или некоторые другие» [5, с. 8]. Ее коллега Н. Кознова, соглашаясь с такой интерпретацией понятия «мемуары», придает ему еще одну грань: воспоминания являются концентрацией организованного и интеллектуального опыта, воплощением эстетических и литературно-критических взглядов авторов и их современников [6, с. 3].

Акцент на мнемических аспектах воспоминаний сделала ее коллега К. Кириллова, охарактеризовав мемуаристику как «невыдуманную прозу, рассказывающую о прошлом, прозу с ярко выраженным субъективным мотивом, где писатель в первую очередь обращается к собственной памяти» [7].

Сочетание таких составляющих как событие – очевидец – память встречаем в определении понятия мемуаров в работах исследователей, характеризующих подобный метажанр исторической литературы. Отечественный ученый В. Стрельский определял мемуарную литературу как «произведения письменности, закрепляющие в той или иной форме воспоминания их авторов о прошлом» [8, с. 373]. Советская исследовательница А. Деревнина объединила понятия «мемуары», «мемуарная литература» и «мемуарные источники» в группу письменных источников – «записи современников, повествующие о прошлом, источником которых является в основном память» [9, с. 36]. Подобный взгляд встречаем в работе М. Черноморского. Главным источником мемуаров он считал память самих участников событий, иногда с привлечением документов [10, с. 15]. Советский историк С. Житомирская охарактеризовала «мемуарные источники» как обобщенное понятие, охватывающее все виды рассказов отдельных лиц о прошлом, в которых они опираются, прежде всего, на собственную память, и созданных с целью фиксации и осмысления прошлого. Мемуары, по ее мнению, «дают... важнейший и неповторимый материал для понимания взаимодействия субъективного и объективного в истории, раскрытия социально-психологических и идеологических процессов, протекающих в обществе». Воспоминания делают возможным воспроизведение живой картины прошлого, наполнение его человеческими переживаниями, не позволяющих, истории превратиться в плоскую схему состоявшихся эпох [11, с. 41-42]. А. Курнос характерными чертами воспоминаний называл личный опыт, осмысленный в соответствии с индивидуальностью мемуариста, а также с господствующими в эпоху их написания общественно-политическими взглядами. Поэтому

любые мемуары являются историческими источниками, поскольку в них отражаются события разных сфер человеческой жизни прошлого [12, с. 65].

В современной историографической период понятие «мемуары» претерпевает обновление подходов к его содержанию. Современный украинский исследователь А. Ясь определяет мемуары как систематические или фрагментарные записи с хронологической фиксацией о событиях прошлого, участником или очевидцем которых был автор [13, с. 604]. Здесь, отметим, присутствует уточнение – мемуары могут являться полными текстами или же иметь «пробелы». Исследовательница М. Казьмирчук воспринимает мемуары как специфический документальный жанр литературы, важнейшими признаками которого является личное начало и ретроспективность [14, с. 34]. «Документальный» – потому что воспоминания относятся к реальным событиям, «личное начало» предусматривает субъективный взгляд на них, «ретроспективность» – описание событий прошлого. Рассуждения Казьмирчук относительно содержания термина «мемуары» тождественно позиции российского филолога К. Кирилловой, выделившей три признака мемуаристики: память как предмет воспроизведения исторической действительности; личное начало или субъективный характер повествования; ретроспективность, позволяющей мысленно выстроить прошлые события жизни в определенный временной ряд [15].

Российский историк Д. Варшавский называет еще одно свойство мемуаров – они имеют поучительный характер для потомков [16, с. 19]. Воспитательный контекст мемуаров проявляется не только как восприятие читателями социально полезных знаний и моральных выводов из деяний предков, но и обладают обратным свойством. Каждое поколение при прочтении воспоминаний извлекает свой собственный урок, исходя из жизненного и исторического опыта, дополняя, таким образом, культурную ценность мемуаров. А. Тартаковский, беря во внимание это свойство воспоминаний, художественно охарактеризовал их как «овеществленную историческую память, одно из средств духовной преемственности поколений и один из показателей цивилизованности общества, его сознательного отношения к своему прошлому, а значит, к своему бытию в целом» [17, с. 3]. Овладевая со временем новой духовной ценностной значимостью, мемуары, таким образом, нередко приобретают куда больший культурный смысл, нежели тот, который на момент их написания вкладывался самим автором.

Обобщая сказанное выше, можно сделать вывод о том, что мемуары являются документальными литературными произведениями, написанными от лица автора о событиях прошлого, современником которых в качестве очевидца или непосредственного участника он был. Мемуары как метажанр отличает субъективное начало, описание реальных событий, ретроспективность и назидательность повествования.

Большее многообразие обнаруживаем в классификации мемуаров, исследователи которых при их типологизации используют различные подходы – жанровый, формальный, классовый, содержательный и т.п. Примером формального подхода является классификация мемуарной литературы, предложенная энциклопедией Ф. Брокгауза и И. Эфрона и предусматривающая разделение воспоминаний на военные, «мирные», дворовые, бытовые и писательские [18, с. 2]. Нередко жанровый и формальный подходы, как у В. Стрельского, отождествляются между собой. Ныне наиболее применяемым остается формальный подход, отличающийся безусловностью относительно содержания и авторства мемуаров.

Стрельский, следуя формальному признаку, представлял классификацию мемуаров следующим образом: дневники («ежедневные или периодические записи, излагающие факты из жизни автора на фоне событий современной ему действительности»); воспоминания или записки (от дневников отличаются попыткой обобщить материал, охватом более широко круга событий во времени); автобиографии; биографии; некрологи; эпистолярная литература [19, с. 375-381]. Заметим, что выделение в отдельные группы последних четырех категорий – довольно проблематично, поскольку биографические и автобиографические воспоминания сами по себе уже являются воспоминаниями. Переписку, даже с элементами воспоминаний, вряд ли можно вообще отнести к мемуарной литературе. То же самое относится и к такому специфическому жанру как некролог.

Менее обширную классификацию мемуаров предложил М. Черноморский. По форме он выделил четыре группы воспоминаний: 1) «собственно мемуары» – воспоминания автора

о жизненном пути; 2) воспоминания о событиях, в которых автор принимал непосредственное участие; 3) дневники участников событий; 4) литературные записи (передают фактическую основу событий, изложенных субъектом воспоминаний, в то время как за композицию, форму передачи, демонстрацию образов, художественное изложение берет на себя ответственность собственно автор). Черноморский особое внимание уделял дневникам, которые в неотредактированном виде «приобретают силу первоисточников с высокой степенью достоверности» [20, с. 8-12].

Классификация Черноморского встретила критику со стороны советской исследовательницы Л. Деревниной. Первые две группы, отмечала она, в классификации Черноморского нечетко разделены между собой, а само понятие мемуары произвольно использовалось им в качестве обобщения всех воспоминаний как источников [21, с. 33]. Деревнина, подвергнув критике существующие взгляды на группы мемуарных источников, предложила собственную классификацию мемуарной литературы, основанную на разнице авторской индивидуальности и позиции по форме: 1) воспоминания – рассказ автора о событиях в своей жизни; 2) литературные записи воспоминаний, создаваемые совместно мемуаристом и литературным редактором; 3) стенографические записи воспоминаний (этот вид воспоминаний отличается тем, что «мемуаристу подсказывают о чем надо рассказать»); 4) дневники, в которых события описываются день за днем вслед за их осуществлением, а само повествование отличается непоследовательностью.

Если первые три группы освещают события прошлого с точки зрения современности, то в дневниках фиксировано тогдашнее восприятие действительности (здесь можно упомянуть похожее определение авторов БСЭ, уточнявших, что в записях дневников фиксируются синхронные события с четким определением дат) [22, с. 37-38; 23, с. 360].

Подобное разнообразие классификаций советская исследовательница С. Житомирская объяснила, во-первых, тем, что исследователи не учитывают весь комплекс мемуарных источников. Во-вторых, недостаточно анализируется каждый вариант мемуарного источника. Исходя из этих позиций, она подвергла суровой критике классификации Черноморского и Деревниной. В частности, в типологии Черноморского, по ее мнению, отсутствует единый принцип структурирования источников. Так, Черноморский ввел группу воспоминаний согласно объекта повествования и одновременно по приемам написания текста. В классификации Деревниной ей оказалась непонятной группа «литературных записей» и стенограмм. Исходя из критики предшественников, Житомирская обратилась к очень упрощенной конструкции собственной классификации, выделив среди мемуарных источников лишь воспоминания и дневники. Разницу между ними историк видела, прежде всего, в жанровой форме. Если воспоминание является произведением цельным, с определенным замыслом, единым по сюжетной линии текстом, написанным всегда после описываемых событий, то дневники (собственно дневники, дневниковые и путевые записки) отличаются отрывочной структурой записей, синхронизированных во времени или ретроспективных с сохранением хронологической последовательности текстов, но разными по содержанию. Однако нередко дневники перерастают в воспоминания или становятся их частью, и тогда граница между ними нарушается. Тут, отметим, исследовательница избежала возможности предложить отдельную группу мемуарных источников, в основе которых был бы положен синтез жанров воспоминаний и дневника. Несомненно, это является слабым местом классификации Житомирской, хоть и незначительным. В то же время сильной его стороной является предложение четко отмежевать воспоминания от художественной литературы, корреспонденции, публицистики, историографии, научно-популярной литературы, научных и деловых отчетов, стенограмм, протоколов, журналов наблюдений, писем с мемуарной вставкой т.п. [24, с. 42-57]

Не отрицая необходимости изучения данных видов биографической литературы, Житомирская, тем не менее, отвергла возможность их анализа вместе с прочей мемуарной литературой. Поэтому, при справедливости всех критических (и самокритичных) замечаний Житомирской, ее классификацию нельзя признать удовлетворительной.

Лояльное отношение к разновидностям мемуарной литературы встречаем в учебнике М. Казьмирчук «Источники личного происхождения». Автор, используя синтетический подход к составу мемуарной литературы, объединяет в ее группу «мемуары-воспоминания», «мемуары-литературные записи» и дневники. При этом дневники характеризуются, по ее

мнению, большей вероятностью, поскольку записи в них ведутся вслед за свежими впечатлениями, тогда как мемуары отражают более обдуманную (часто с годами) концепцию описываемых событий, на которые накладываются отпечаток жизненный опыт и пробелы в памяти. Кроме того, Казьмирчук по содержанию разделила мемуары XX в. на следующие группы: воспоминания, составленные на основе тематически-хронологического принципа (в частности, воспоминания о революции); воспоминания, варьирующиеся по разновидности (классические, формальные записи); сюжетные (анкеты, «путевые заметки»). По объему – полные и мини-мемуары, которые помещались в отдельную газетную строку. Зависимо описываемого в воспоминаниях времени историк выделила две группы – «древние» и «свежие». Жанровое многообразие мемуаров дополняется ею «новой легендарной прозой», устными рассказами, историями и историческим интервью [25, с. 34, 75, 82]. Довольно обширную классификацию мемуаров, предложенную Казьмирчук, можно дополнять и далее. Логичным было бы к ее классификации присоединить автобиографические анкеты и «мемуарный элемент» биографических речей, использовавшиеся в типологизации Л. Деминой [26, с. 1-19].

В рамках междисциплинарных связей нельзя избегать и теоретических моделей мемуарной литературы, предлагаемых филологами. В частности, украинская исследовательница воспоминаний Т. Гажа, исследуя отечественную литературную мемуарику второй половины XX в., сгруппировала ее в следующие типы: 1) объективный (минимальная репрезентация автора на страницах своих воспоминаний, стремление рассказчика объективно изобразить эпоху и ее героев, как правило, в рамках официальной идеологии; эпичность изложения; отсутствие авторских оценок и выводов; обращение к широкой базе источников и документов); 2) объектно-субъектный (присутствие автора на страницах произведения в качестве рассказчика, свидетеля и, отчасти, героя; стремление автора равнозначно воссоздать эпоху и свою судьбу; равновесие эпических и лирических элементов; сочетание жанров очерка об исторических событиях, мемуарного портрета, автобиографии; возвышение собственной концепции материала до уровня научного осмысления прошлого); 3) субъектно-объектный («превращение автора в путешественника, передвигающегося по горизонтали (в пространстве) и по вертикали (во времени)», сочетание жанра путевого очерка и автобиографии; актуализация прошлого в плоскости выяснения закономерных тенденций современности; ассоциативное сообщение и рецептивное представление материала; наращивание медитативного, оценочного элемента; преимущество лирических и публицистических мотивов над эпическими); 4) субъектный тип (проявление на первом месте индивидуальности автора, формально реализованного в образе Я рассказчика и главного героя; стремление представить эпоху и ее современников в свете собственной судьбы и жизненного опыта; преимущество лирических ноток над эпическими; исповедальность; изложение произведения как автобиографии с использованием жанровой парадигмы; утверждение самодостаточной ценности субъектной концепции материала) [27, с. 11-12]. Предложенная Гажей классификация может в полной мере использоваться по аналогии относительно исторической мемуарики. При этом в анализе мемуаротворчества участников и очевидцев крестьянского движения однозначно будет доминировать объектно-субъектный тип.

Сделаем еще несколько замечаний относительно классификации воспоминаний. В частности, следует обратить внимание на количество авторов мемуаров – являются ли они произведением одного лица, совместной работой мемуариста и редактора, а возможно трудом целого коллектива. Поэтому по количеству авторов можно группировать персональные и коллективные воспоминания. Например, во втором номере «Летописи революции» за 1926 год помещены воспоминания о событиях 1905 г. в Кременчугском уезде сразу 6 авторов, бывших членов РСДРП. Конечно, такой прием требовал литературного редактирования, активного вмешательства в структуру текста их составителя с целью создания единого очерка революционных событий в регионе на основе памяти нескольких их современников.

Воспоминания можно разделить на категории самостоятельных произведений в виде отдельных текстов, а также на мемуарные материалы, включенные в контекст исторических публикаций. В частности, в статьях Э. Когона, К. Ершова и М. Свидзинского, публиковавшихся на страницах «Летописи революции», широко использовались

воспоминания участников крестьянского движения («товарища Немо», М. Коняхина, Е. Строменко и др.), которые по отдельности не публиковались и были известны авторам лишь в рукописном виде.

Хотя ряд критических замечаний относительно мемуаристики можно продолжать, на наш взгляд, увеличение формального ряда мемуарных источников лишь усложняет процесс их классификации. Тем более, что предложенные схемы могут быть комплементарными лишь источникам определенной тематики. Например, воспоминаниям деятелей национального движения, культуры, искусства, военной службы и т.п.

В основу классификации мемуаров можно положить содержательный подход, вносящий разграничение по тематическим направлениям. Тогда среди комплекса мемуарной литературы, относящейся к крестьянскому движению в Украине начала XX в. можем выделить «сорочинскую группу мемуаров» – воспоминания и дневники участников и свидетелей драматических событий в декабре 1905 года в с. Сорочинцы Миргородского уезда; «сумскую группу мемуаров» – воспоминания фундаторов и очевидцев «Сумской крестьянской республики»; воспоминания о крестьянских волнениях на Полтавщине и Харьковщине в 1902 г.; единичные мемуары участников и наблюдателей крестьянского движения в отдельных местностях Надднепрянщины и т.д.

Если исходить из позиции общности мемуарных источников, то в основу группировки мемуаристики крестьянского движения в Украине начала XX в. можем положить классификацию Деревниной, построенную на критическом и доказательном переосмыслении существующих типологий, с выделением в ней субклассов, что позволит более полно осветить характерные признаки этой специфической группы воспоминаний. В таком случае, в первой группе (воспоминания авторов о событиях в своей жизни) можем выделить по форме следующие классы: 1) автобиографические мемуары, написанные исключительно по памяти автора; 2) воспоминания-рассказы, в которых авторы обращались к документальным источникам; 3) дневники. Во второй группе (литературные записи воспоминаний): 1) мемуары с отредактированной передачей авторского содержания воспоминаний; 2) воспоминания, отдаленные за передачей материала от авторского изложения. Третью и четвертую группы по форме оставляем без изменений, а именно: 3) стенографические записи воспоминаний; 4) дневники. Параллельно, без нарушения этой конструкции можем использовать, в зависимости от авторского личностного начала, типологизацию Гажи.

Оценка крестьянских выступлений отличалась в зависимости от социального происхождения или политического кредо авторов. Исходя из этого, можем выделить: 1) воспоминания крестьян-участников аграрных выступлений; 2) воспоминания членов революционных организаций; 3) воспоминания противников крестьянского движения и социальной революции в целом; 4) воспоминания сторонних наблюдателей крестьянского движения, преимущественно представителей либерального лагеря. В данном случае к первой категории можно отнести мемуары крестьян Г. Етнеровича, И. Вороны, П. Ходченко, И. Пороскуна, И. Сенченко. Ко второй – М. Козиленко, Г. Мухи, Н. Сердюка, А. Щербака, А. Черкунова, Ю. Колларда, Б. Эльцина и других членов ВКС и левых партий. К третьей – дневник о. Евлампия, статья князя М. Л. Шаховского и воспоминания анонимов о нежинском погроме 1905 года и выступлении полтавских крестьян в 1902 году. Последнюю категорию формируют мемуары Е. Чикаленко, Д. Дорошенко и М. Галагана.

Содержание воспоминаний коррелируется в зависимости от времени (до 1917 г. и после него) и места написания (СССР, зарубежье), идеологической подачи материала, выделения собственного значения в описываемых событиях, необходимости оправдать свои действия в прошлом, учета точки зрения на развитие крестьянского движения официальной исторической науки в Советском Союзе. То есть, от господствующей идеологии, которую искренне или вынужденно разделяли авторы. В таком ракурсе по содержанию следует выделить: 1) Мемуары, лишенные собственно политической идейности авторов (в первую очередь, сюда отнесем воспоминания обычных крестьян, передающие их тогдашнюю позицию «земли и воли»). 2) Воспоминания с элементами политической дискуссии. Особенно характерны для бывших членов левых партий небольшевистской ориентации. Например, мемуары активных членов ВКС нередко использовались в качестве контраргумента в нападках на эту организацию большевика А. Шестакова, который, в свою

очередь, пытался очернить руководителей крестьянской организации, имел на то личные причины. Со стороны бывших активистов ВКС, наоборот, прослеживается попытка реабилитировать организацию перед обвинениями в мелкобуржуазности. Иногда это происходило с преувеличенными акцентами на связь с рабочим движением, социалистическими идеалами крестьянства, поддерживавшего ВКС в годы Первой русской революции. 3) Воспоминания, написанные с явной пропагандистской целью. В них сильно ощущается влияние советской идеологии. Нередко содержание таких мемуаров сознательно переключалось, чтобы «подтянуть» реальность к господствующей идеологической норме, как-то анонсированный союз рабочих и крестьян, верность тактики большевиков в работе с крестьянством, руководящая роль большевиков в крестьянской борьбе и т.п.

Также можем выделить три группы мемуаров в зависимости от социального происхождения или политической роли авторов: 1) воспоминания рядовых участников крестьянского движения или его очевидцев, преимущественно из числа крестьян; 2) мемуары руководителей крестьянских организаций; 3) воспоминания деятелей политических партий. Первая категория, хотя и отличается незначительным фактажом, тем не менее особенно ярко иллюстрирует крестьянское сознание. Вторая отличается аналитическим подходом, попыткой обобщения явления крестьянской революции. Третья является попыткой рассмотреть процессы, происходившие в деревне, исходя из партийных установок. Нередко такие материалы отмечаются поверхностной или догматической оценкой. Однако они содержат важные свидетельства об отношении партий к крестьянству, методах его агитации и политической организации. Указанные минусы можно объяснить тем, что многие революционеры (преимущественно социал-демократы), из горожан, просто не имели опыта агитационной работы среди крестьян.

Заключение

Таким образом, рассмотрение мемуарной литературы, посвященной крестьянскому движению, можно осуществить в разрезе предложенной нами схемы классификации, которая позволит ответить на ряд вопросов, ставящихся при процедуре анализа воспоминаний: авторство-атрибуция источника, мировосприятие и взгляды мемуариста, уровень близости к описываемым событиям, степень компетентности и логичности суждений (наблюдений, комментариев, аргументации), авторская экспрессия, побудительные мотивы к написанию мемуарного произведения, видовая, жанровая, стилистическая природа воспоминаний, а также выделить их содержательные фрагменты.

Примечания:

1. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современная версия. М.: Эксмо, 2009. 736 с. (Российская императорская библиотека).
2. Мемуары // Энциклопедический словарь / [Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон]. СПб.: Типолит. И. А. Ефрона, 1896. Т. 19. С. 70-74.
3. Курносов А. А. Мемуары // Большая Советская Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1974. Т. 16. С. 64-65.
4. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. 1728 с.
5. Колядич Т. М. Воспоминания писателей: проблемы поэтики жанра. М.: Мегатрон, 1998. 277 с.
6. Колядич Т. М. Воспоминания писателей XX века (эволюция, проблематика, типология): Автореф... докт. филолог. наук: 10.01.01. М., 1999. 45 с.
7. Кириллова Е. Л. Мемуаристика как метажанр и ее жанровые модификации (на материале мемуарной прозы русского зарубежья первой волны): Дис... канд. филолог. наук: 10.01.01 [Электронный ресурс]. – Владивосток, 2004. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/memuaristika-kak-metazhanr-i-ee-zhanrovye-modifikatsii-na-materiale-memuarnoi-prozy-russkogo> – Заголовок на экране.
8. Стрельский В.И. Источниковедение истории СССР: Период империализма, конец XIX в. – 1917 г. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1962. 603 с.
9. Деревнина Л.И. О термине «мемуары» и классификации мемуарных источников (историография вопроса) // Вопросы архивоведения. 1963. № 4. С. 32-38.
10. Черноморский М.Н. Мемуары как исторический источник: Учебное пособие по источниковедению СССР. М.: МГИАН МВО СССР, 1959. 79 с.

11. Житомирская С.В. Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников // Археографический ежегодник за 1976 год. М.: Наука, 1977. С. 41-59.
12. Курносое А. А. Мемуары... – указанная работа.
13. Ясь О. В. Мемуары / О. В. Ясь // Энциклопедия истории Украины. К.: Вид-во «Наукова думка», 2009. Т. 6. С. 604-608.
14. Казьмирчук М. Г. Джерела особового походження: підручник. К.: Логос, 2010. 242 с.
15. Кириллова Е. Л. Мемуаристика как метажанр и ее жанровые модификации... – указанная работа.
16. Варшавский Д. И. Мемуары, дневники и письма как исторический источник в вопросе изучения фронтного быта советских солдат в Великой Отечественной войне / Д. И. Варшавский // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2012. № 4. С. 18-22.
17. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX вв. От рукописи к книге / А. Г. Тартаковский. М.: Наука, 1991. 286 с.
18. Колядич Т. М. Воспоминания писателей XX века... – указанная работа.
19. Стрельский В. И. Источниковедение истории СССР... – указанная работа.
20. Черноморский М. Н. Мемуары как исторический источник... – указанная работа.
21. Деревнина Л. И. О термине «мемуары»... – указанная работа.
22. Там же.
23. Воскресенская И. Б. Дневник // Большая Советская Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1972. Т. 8. С. 360-361.
24. Житомирская С. В. Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников... – указанная работа.
25. Казьмирчук М. Г. Джерела особового походження... – указанная работа.
26. Демина Л. И. Мемуаристика русских историков XIX – начала XX в. как историографический источник // Советские архивы. 1982. № 1. С. 18-22.
27. Гажа. Т. П. Українська літературна мемуаристика другої половини XX століття: становлення об'єктного і суб'єктного типів: Автореф... канд. філолог. наук: 10.01.01 / Т. П. Гажа. Х., 2006. 19 с.

References:

1. Dal' V. I. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: sovremennaya versiya. M.: Eksmo, 2009. 736 s. (Rossiiskaya imperatorskaya biblioteka).
2. Memuary // Entsiklopedicheskii slovar' / [Izd. F. A. Brokgauz, I. A. Efron]. SPb.: Tipolit. I.A. Efrona, 1896. T. 19. S. 70-74.
3. Kurnosov A.A. Memuary // Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1974. T. 16. S. 64-65.
4. Velikii tlumachnii slovník suchasnoï ukráin's'koï movi / Uklad. i golov. red. V. T. Busel. K.; Irpin': VTF «Perun», 2005. 1728 s.
5. Kolyadich T.M. Vospominaniya pisatelei: problemy poetiki zhanra. M.: Megatron, 1998. 277 s.
6. Kolyadich T.M. Vospominaniya pisatelei XX veka (evolyutsiya, problematika, tipologiya): Avtoref... dokt. filolog. nauk: 10.01.01. M., 1999. 45 s.
7. Kirillova E.L. Memuaristika kak metazhanr i ee zhanrovye modifikatsii (na materiale memuarnoi prozy russkogo zarubezh'ya pervoi volny): Dis... kand. filolog. nauk: 10.01.01 [Elektronnyi resurs]. – Vladivostok, 2004. – Rezhim dostupa: <http://www.dissertcat.com/content/memuaristika-kak-metazhanr-i-ee-zhanrovye-modifikatsii-na-materiale-memuarnoi-prozy-russkogo> – Zagolovok na ekrane.
8. Strel'skii V.I. Istochnikovedenie istorii SSSR: Period imperializma, konets XIX v. – 1917 g. M.: Izd-vo sots.-ekon. lit-ry, 1962. 603 s.
9. Derevnina L.I. O termine «memuary» i klassifikatsii memuarnykh istochnikov (istoriografiya voprosa) // Voprosy arkhivovedeniya. 1963. № 4. S. 32-38.
10. Chernomorskii M.N. Memuary kak istoricheskii istochnik: Uchebnoe posobie po istochnikovedeniyu SSSR. M.: MGIAN MVO SSSR, 1959. 79 s.
11. Zhitomirskaya S. V. Voprosy nauchnogo opisaniya rukopisnykh memuarnykh istochnikov / S.V. Zhitomirskaya // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1976 god. M.: Nauka, 1977. S. 41-59.
12. Kurnosov A. A. Memuary... – ukazannaya rabota.
13. Yas' O.V. Memuari // Entsiklopediya istorii Ukraini. K.: Vid-vo «Naukova dumka», 2009. T. 6. S. 604-608.
14. Kaz'mirchuk M.G. Dzherela osobovogo pokhodzhennya: pidruchnik. K.: Logos, 2010. 242 s.
15. Kirillova E.L. Memuaristika kak metazhanr i ee zhanrovye modifikatsii... – ukazannaya rabota.
16. Varshavskii D. I. Memuary, dnevniki i pis'ma kak istoricheskii istochnik v voprose izucheniya frontovogo byta sovetskikh soldat v Velikoi Otechestvennoi voine / D. I. Varshavskii // Vestnik MGOU. Seriya «Istoriya i politicheskie nauki». 2012. № 4. S. 18-22.

17. Tartakovskii A.G. Russkaya memuaristika XVIII – pervoi poloviny XIX vv. Ot rukopisi k knige / A.G. Tartakovskii. M.: Nauka, 1991. 286 s.
18. Kolyadich T.M. Vospominaniya pisatelei XX veka... – ukazannaya rabota.
19. Strel'skii V.I. Istochnikovedenie istorii SSSR... – ukazannaya rabota.
20. Chernomorskii M.N. Memuary kak istoricheskii istochnik... – ukazannaya rabota.
21. Derevnina L.I. O termine «memuary»... – ukazannaya rabota.
22. Tam zhe.
23. Voskresenskaya I.B. Dnevnik // Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1972. T. 8. S. 360-361.
24. Zhitomirskaya S.V. Voprosy nauchnogo opisaniya rukopisnykh memuarykh istochnikov... – ukazannaya rabota.
25. Kaz'mirchuk M. G. Dzherela osobovogo pokhodzhennya... – ukazannaya rabota.
26. Demina L.I. Memuaristika russkikh istorikov XIX – nachala XX v. kak istoriograficheskii istochnik // Sovetskie arkhivy. 1982. № 1. S. 18-22.
27. Gazha. T.P. Ukraïns'ka literaturna memuaristika drugoi polovini XX stolittya: stanovlennya ob'ektnogo i sub'ektnogo tipiv: Avtoref... kand. filolog. nauk: 10.01.01 / T. P. Gazha. Kh., 2006. 19 s.

УДК 94(477) «1900/1916» (093.3)

Мемуаристика как метажанр исторической литературы (на примере воспоминаний участников и очевидцев крестьянского движения в Украине начала XX в.)

Дмитрий Валериевич Кудинов

Киевский национальный университет, Украина
01033, г. Киев, улица Владимирская, 60
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: dmytro.kudinov@gmail.com

Аннотация. Рассматривается понятие «мемуары» и приводятся существующие классификации мемуарной литературы. Предлагается авторская концепция классификации воспоминаний участников и очевидцев крестьянского движения в Украине начала XX в. Автор отмечает, что рассмотрение мемуарной литературы, посвященной крестьянскому движению, можно осуществить в разрезе предложенной схемы классификации, которая позволит ответить на ряд вопросов, ставящихся при процедуре анализа воспоминаний: авторство-атрибуция источника, мировосприятие и взгляды мемуариста, уровень близости к описываемым событиям, степень компетентности и логичности суждений, авторская экспрессия, побудительные мотивы к написанию мемуарного произведения, видовая, жанровая, стилистическая природа воспоминаний, а также выделить их содержательные фрагменты.

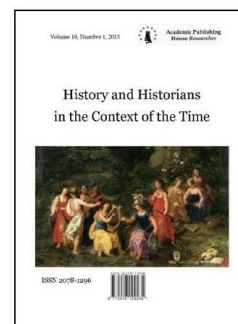
Ключевые слова: мемуары; мемуаристика; мемуарные источники; мемуаротворчество; дневники; память; автобиография; документы; крестьянское движение.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2014.
ISSN: 2078-1296
Vol. 13, No. 2, pp. 101-105, 2014

DOI: 10.13187/issn.2078-1296
www.ejournal3.com

UDC 94

A Campaign for the Struggle against the “German stranglehold” in the Black Sea Governorate during World War I

Igor' A. Tveritinov

Archive department of administration of Sochi, Russian Federation
PhD (History)

Abstract

This article, based on archive documents and materials from print media and monographic literature, examines the struggle against the so-called “German stranglehold” in the territory of the Black Sea Governorate during World War I. In the end, the author notes that the campaign for the struggle against the “German stranglehold” was a manifestation of political speculation aimed at ousting from power the so-called “pro-German circles” and as well liquidating German landownership in Russia.

Keywords: “German stranglehold”; Black Sea Governorate; World War I.

Введение

В постсоветский период повышенный интерес исследователей вызывают малоизвестные страницы региональной истории народов России, в том числе и драматичная судьба причерноморских немцев. Раскрыть названную тему нам поможет краткий экскурс в историю появления немецких колонистов на Юге России.

Результаты

Первые поселенцы из Силезии и Саксонии прибыли в Россию по Манифесту Екатерины II от 1763 г. для заселения и освоения нижнего Поволжья [1]. С 1782 г. поток немецких колонистов (в основном, из Данцига) был направлен в Новороссийский край, с 1813 г. переселенцы из герцогства Варшавского и Вюртемберга начали осваивать Бессарабию, а в 1817 г. в Закавказье появились поселенцы, главным образом, из Вюртемберга. В 1852 г. пионерами немецкого землевладения на Кубани стали выходцы из Бессарабии и Таврической губернии, основавшие на Кубани к 1886 г. 13 колоний. Всего в 1882 г. в Кубанской области проживали 10142 немца [2].

Земледельческая колонизация немцами северо-восточного Причерноморья во второй половине XIX в. была крайне незначительной и сдерживалась продолжавшейся до 1864 г. войной с горцами, а также отсутствием в крае до конца XIX века путей сообщения и необходимых для успешного земледелия почвенных и климатических условий.

В Черноморском округе (с 1896 г. - губернии) в дореволюционный период, по данным автора, были основаны лишь две немецкие сельские колонии – дер. Бжидская в Туапсинском округе и дер. Навагинская в Сочинском округе [3].

По данным переписи 1897 г. в Черноморской губернии числилось 667 немцев (1,2% от всего населения) как иностранцев, так и русскоподанных, из них 387 (58,0%) занимались сельским хозяйством, 280 (42,0%) проживали в городах [4]. К началу Первой мировой войны абсолютная численность причерноморских немцев увеличилась незначительно и на 1 января 1914 г. составила 1964 чел., или всего 1,1% от общего числа населения губернии [5].

В начале Первой мировой войны, наряду с патриотическим подъемом большинства населения, массовым героизмом на фронтах и самоотверженным трудом в тылу, появились и такие негативные моменты, как широкая германофобия и шпиономания, которые закономерно вылились в кампанию по борьбе с «немецким засильем». Газеты тех лет пестрели сообщениями о разоблачениях, арестах и даже самосудах над «германскими шпионами», которые зачастую оказывались благонадежными российскими гражданами.

Организуя названную кампанию, правительство ставило три основных цели: ликвидацию немецкого землевладения, увольнение с государственной службы германских подданных и выселение немцев из пограничных земель России.

В октябре 1914 г. Особая комиссия в Петрограде под председательством министра юстиции рассмотрела разработанный Министерством внутренних дел законопроект о ликвидации немецкого землевладения. Законопроект запрещал гражданам воюющих с Россией государств, то есть германским, австро-венгерским и турецким подданным приобретать, владеть, арендовать, нанимать и управлять недвижимым имуществом вне городов в пограничных западных и южных губерниях и областях, в том числе Черноморской губернии [6].

Первые шаги по реализации так называемых «ликвидационных» законов от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. в южных приморских землях были сделаны в том же году. Так, в 1915 г. в Области войска Донского начался процесс ликвидации недвижимого имущества «германских выходцев, русско-подданных» в приграничной зоне Азовского моря [7]. Активность местных властей в борьбе с «немецким засильем» объяснялась негативным отношением администрации Войска к колонизации края иногородними, тем более иноязычными и инославными.

Следует подчеркнуть, что претворение в жизнь ликвидационных законов встретило множество препятствий как объективного, так и субъективного характера. В правительстве и в ряде регионов нашлись силы, реально оценивающие важную колонизационную роль немецких хозяйств на окраинах России. Например, в январе 1916 г. в Петрограде состоялось заседание Особого совещания, на котором рассматривался вопрос о применении ликвидационных законов в Степном генерал-губернаторстве. После продолжительных дебатов совещание признало «хоть и желательным, но преждевременным в хозяйственном отношении распространять ограничительные права на весь Степной край» [8].

В Черноморской губернии, как уже отмечалось, население германского происхождения было небольшим по численности, поселяне дер. Бжидской и Навагинской не были собственниками своих земельных наделов, а выявление незначительной недвижимости германских подданных, расположенной вне городов, не стоило затраченных на это мероприятие средств, времени и сил.

В марте 1916 г. черноморский губернатор, отвечая на запрос председателя Особого совещания о борьбе с «немецким засильем», сообщал, что в губернии «немецкое засилье особенно не ощущалось и проявилось лишь в том, что местный рынок, как и повсюду в Империи, был переполнен товарами, вырабатываемыми в Германии и на немецких фабриках и заводах в России» [9]. Это мнение губернатора можно было экстраполировать на всю Россию того времени. Губернатора больше тревожило другое засилье – турецкоподданных армян, греков и турок.

Подогреваемая сверху германофобская кампания нашла отклик среди низших слоев населения и, в основном, по меркантильным причинам – хотелось забрать и поделить добро зажиточного соседа. А немецкие колонии Юга России, как правило, были экономически сильными даже на фоне небедных казачьих станиц. Вот как обрисовал путешественник колонию Ольгенфельд Кубанской области: «Большие, кирпичные, совсем городские дома. Большие, как в городе окна. Дома крыты железом, не ржавым, а свежепокрашенным. Сытый уют выглядывает в окна: фикусы, герань, недешевые гардины. Во дворе, под навесом –

косилки, молотилки, жатки и всякий прочий инвентарь, что совсем не заметно ни в крестьянской Сонино, ни в казачьей Староминской» [10].

В центральные и местные органы власти поступали прошения о передаче в пользование или аренду земель, принадлежавших немецким общинам. Так, один из сочинских крестьян обратился в июле 1916 г. к министру земледелия с прошением о передаче ему в аренду 2 десятины земли немецкой Колонки (дер. Навагинская), обвинив ее жителей в пособничестве вражеской Германии [11].

Более неприятными и даже опасными в силу персонифицированности стали для российских немцев аресты, увольнения со службы и выселения из пограничных территорий. Так, в самом начале войны, 14 августа 1914 г. в Новороссийске были арестованы по подозрению в шпионаже в пользу Австро-Венгрии местные жители, чехи И.А. Маршалек и И.И. Винчик. После двухнедельного заключения по распоряжению губернатора они были высланы в Вятскую губернию [12].

В марте 1916 г. наместник царя на Кавказе издал приказ о выселении всех немцев из прибрежной полосы Черного моря, за исключением служащих оборонных предприятий [13]. В августе того же года наместником был отдан более жесткий приказ о немедленной высылке за пределы Черноморья всех граждан воюющих с Россией государств и даже русскоподданных, «внушающих малейшее сомнение в их политической благонадежности...» [14].

Во исполнение этого приказа окружными начальниками были составлены списки лиц немецкого происхождения, проживающих в Черноморской губернии, а также список лиц, женатых на немках. В общий губернский список вошли 162 немца – домохозяина без членов их семей. В конце списка была сделана многозначительная приписка: «Все показанные здесь лица вполне благонадежны и ни в чем предосудительном замечены не были» [15]. Сделанная приписка показала, что местные власти не могли безоговорочно исполнить отданный приказ, так как причерноморские немцы были не только политически благонадежными и законопослушными гражданами, но и необходимыми для нормального социально-экономического развития региона специалистами. Среди них были представители многих профессий: инженеры, архитекторы, строители, учителя, врачи, коммерсанты, земледельцы, крупные чиновники. Так, в с. Красная Поляна Сочинского округа на своей даче постоянно жил отставной питерский чиновник, действительный статский советник А.П. Францев, в посаде Сочи – автор проекта фешенебельного курорта «Кавказская Ривьера» архитектор В.А. Ион и его брат техник-строитель А.А. Ион и т.д. [16]

Однако давление кавказского наместничества на местные власти было столь велико, что они были вынуждены выселить по несколько немцев из каждого округа Черноморской губернии. В августе 1916 г. из Новороссийского округа были выдворены 5 немцев в Кубанскую область, в октябре того же года из Сочинского округа были выселены 9 немцев в Петроград, Москву, Ставрополь, Ростов-на-Дону, Енисейск. Выдворяемые могли ехать в любой населенный пункт Империи, кроме расположенных в пограничных западных и южных губерниях. В число выселенных из Сочинского округа попали немцы, находящиеся на излечении на Мацестинских серных источниках [17]. Но большинство лиц немецкого происхождения, как видно из рапорта начальника Новороссийского округа, были оставлены в местах постоянного проживания «в виду их старости, участия ближайших родственников в русской действующей армии, службы на оборонных предприятиях» [18].

Период антинемецкой кампании закончился лишь после падения самодержавия. 11 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление о приостановке действия ликвидационных законов [19].

Борьба царской администрации с «немецким засильем» показала свою несостоятельность как в Черноморской губернии, так и в масштабах страны. Незначительное по численности, политически благонадежное немецкое население, обладавшее сравнительно небольшими земельными наделами не представляло опасности для режима. Наоборот, такие качества немецкого характера, как трудолюбие, дисциплинированность, рационализм оказали позитивное влияние на окружающее население, способствуя быстрому экономическому развитию как немецких колоний, так и России в целом.

Заклучение

Таким образом, кампания по борьбе с «немецким засильем» была проявлением политической спекуляции, направленной на отстранение от власти т.н. «пронемецких кругов» и заодно ликвидацию немецкого землевладения в России.

История с выселением немцев повторилась почти через 30 лет на новом витке исторического процесса. В конце сентября 1941 г. причерноморские немцы, как неблагонадежный элемент, были выселены в Казахстан и смогли вернуться лишь через четверть века, но это тема другого исследования [20].

Примечания:

1. Гроо Ю.Ф. Вклад поволжских немцев в развитие экономики Нижнего Поволжья (конец XVIII – начало XX вв.) // Немцы в России: российско-немецкий диалог. Сб. статей. СПб., 2001. С.369.

2. См.: Городецкий Б.М. Немецкое землевладение на Кубани // Кубанский сборник на 1915 г. Екатеринодар, 1915. Т. 20. С. 352-380.

3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 468. Оп.2. Д.367. Л.2.

4. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1903. Т.70. Тетр. 1. С. 28-29; Тетр. 2. С. 34-35.

5. Кубань и Черноморское побережье на 1914 год. Справочная книга. Екатеринодар, 1914. С. 231.

6. Городецкий Б.М. Указ. соч. С. 353.

7. Рот Е.В. Условия проживания немецкого населения на территории Области войска Донского (вторая половина XIX в. – 1914 г.) // Немцы в России... С. 381.

8. Вибе П.П. Вклад немцев-предпринимателей в становление крупных культурных хозяйств в Сибири // Немцы в России... С. 409.

9. ГАКК. Ф.468. Оп.2. Д.367. Л.2.

10. Цит. по: Бондарь Н.И. Что мы знаем друг о друге? Этнографический очерк о народах Кубани // Кубанский краевед. Краснодар, 1990. С. 154-155.

11. ГАКК. Ф.484. Оп.1. Д.18. Л.205-205об.

12. ГАКК. Ф.468. Оп.2. Д.431. Л.21,31.

13. ГАКК. Ф.468. Оп.2. Д.564. Л.2.

14. ГАКК. Ф.468. Оп.2. Д.564. Л.26.

15. ГАКК. Ф.468. Оп.2. Д.564. Л.10-11об.

16. Там же.

17. ГАКК. Ф.468. Оп.2. Д.564. Л.37, 39, 73.

18. ГАКК. Ф.468. Оп.2. Д.564. Л.87-87об.

19. Вестник Временного правительства. 1917. 14 марта.

20. Архивный отдел администрации г. Сочи. Ф.Р-83. Оп.1. Д.14. Л.1-4.

References:

1. Groo Yu.F. Vklad povolzhskikh nemtsev v razvitie ekonomiki Nizhnego Povolzh'ya (konets XVIII – nachalo XX vv.) // Nemtsy v Rossii: rossiisko-nemetskiï dialog. Sb. statei. SPb., 2001. S. 369.

2. Sm.: Gorodetskii B.M. Nemetskoe zemlevladienie na Kubani // Kubanskiï sbornik na 1915 g. Ekaterinodar, 1915. T. 20. S. 352-380.

3. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia (GAKK). F. 468. Op.2. D.367. L.2.

4. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 g. SPb., 1903. T.70. Tetr. 1. S. 28-29; Tetr. 2. S. 34-35.

5. Kuban' i Chernomorskoe poberezh'e na 1914 god. Spravochnaya kniga. Ekaterinodar, 1914. S. 231.

6. Gorodetskii B.M. Ukaz. soch. S. 353.

7. Rot E.V. Usloviya prozhivaniya nemetskogo naseleniya na territorii Oblasti voiska Donskogo (vtoraya polovina XIX v. – 1914 g.) // Nemtsy v Rossii... S. 381.

8. Vibe P.P. Vklad nemtsev-predprinimatelei v stanovlenie krupnykh kul'turnykh khozyaistv v Sibiri // Nemtsy v Rossii... S. 409.

9. GAKK. F.468. Op.2. D.367. L.2.

10. Tsit. po: Bondar' N.I. Chto my znaem drug o druge? Etnograficheskii ocherk o narodakh Kubani // Kubanskii kraeved. Krasnodar, 1990. S. 154-155.
11. GAKK. F.484. Op.1. D.18. L.205-205ob.
12. GAKK. F.468. Op.2. D.431. L.21,31.
13. GAKK. F.468. Op.2. D.564. L.2.
14. GAKK. F.468. Op.2. D.564. L.26.
15. GAKK. F.468. Op.2. D.564. L.10-110b.
16. Tam zhe.
17. GAKK. F.468. Op.2. D.564. L.37, 39, 73.
18. GAKK. F.468. Op.2. D.564. L.87-87ob.
19. Vestnik Vremennogo pravitel'stva. 1917. 14 marta.
20. Arkhivnyi otdel administratsii g. Sochi. F.R-83. Op.1. D.14. L.1-4.

УДК 94

**Кампания по борьбе с «немецким засильем»
в Черноморской губернии в период Первой мировой войны**

Игорь Анатольевич Тверитинов

Архивный отдел администрации города Сочи, Российская Федерация
Кандидат исторических наук

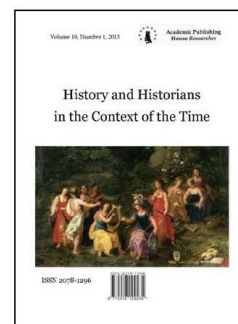
Аннотация. В статье на основе архивных документов, материалов периодической печати и монографической литературы рассматривается борьба с так называемым «немецким засильем» на территории Черноморской губернии в период Первой мировой войны. В завершении автор отмечает, что кампания по борьбе с «немецким засильем» была проявлением политической спекуляции, направленной на отстранение от власти т.н. «пронемецких кругов» и заодно ликвидацию немецкого землевладения в России.

Ключевые слова: «Немецкое засилье»; Черноморская губерния; Первая мировая война.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2014.
ISSN: 2078-1296
Vol. 13, No. 2, pp. 106-108, 2014

DOI: 10.13187/issn.2078-1296
www.ejournal3.com

Reviews and surveys

UDC 93

Degtyarev S. Civil Officialdom in Ukraine at the End of the 18th – the Beginning of the 19th Centuries: Monograph / Sergey I. Degtyarev. – Sumy: Publishing House Papyrus, 2014. – 472 p.

Aleksandr Cherkasov

International Network Center of fundamental and applied research, Russian Federation
Laboratory of world civilizations
Dr (History)

Проблема истории гражданского чиновничества периода Российской империи уже давно относится к числу актуальных. Еще в XVIII в. зародилась бюрократическая система современного типа, которая крепко вошла в жизнь общества. Эта система со всеми характерными для нее позитивными и негативными чертами смогла пережить не только империю, но и советские времена, и даже удержаться в современных реалиях, причем не только в России, но и в тех государствах, которые в свое время входили в состав Российской империи и Советского Союза. В связи с этим чиновники Российской империи становятся предметом для исследователей из разных государств как ближнего, так и дальнего зарубежья.

Совсем недавно в свет вышла научная монография исследователя из Украины кандидата исторических наук С.И. Дегтярева «Гражданское чиновничество Украины в конце XVIII – первой половине XIX вв». Книга напечатана на украинском языке и в оригинале ее название звучит «Цивільне чиновництво України у кінці XVIII – першій половині XIX ст.» (далее названия глав мы будем приводить в переводе на русский язык). Автор уделил внимание именно тем чиновникам, которые служили в гражданских государственных учреждениях на украинских землях в составе Российской империи.

Монография состоит из вступления, четырех глав, выводов, списка использованных источников и литературы, дополнений, списка сокращений, именного указателя, и списка географических и собственных названий.

Во вступлении автор основное внимание уделил обоснованию актуальности исследуемой проблемы, кругу вопросов, которые будут рассматриваться в книге. Основной целью монографии стало определение национальных и региональных особенностей гражданской службы, чиновничества на украинских землях в составе Российской империи, анализ некоторых социокультурных характеристик служащих на этих территориях.

В первой главе «Украинская составляющая бюрократии Российской империи: историография и источники» С.И. Дегтярев определил уровень изученности проблемы гражданского чиновничества периода Российской империи, в частности той его части, которая функционировала на украинских землях. Ним были проанализированы труды

ученых России, Украины, дальнего зарубежья. Автор изучил работы историков, философов, правоведов, социологов и политологов. Было уделено много внимания работам российских исследователей, которые начали изучать некоторые аспекты службы чиновников гражданских учреждений еще в конце XVIII – начале XIX вв. Анализируя российскую историографию имперского, советского периодов и современности, С.И. Дегтярев попытался определить ценность этих работ для изучения чиновничества. Он пришел к выводу о том, что, несмотря на высокий уровень изученности различных аспектов истории бюрократического аппарата Российской империи российскими учеными, при этом практически не учитывалось влияние на развитие этого аппарата служебных элит украинского происхождения, которые в это время активно интегрировались в российские общественную и управленческую системы. При этом украинский исследователь высоко оценивает работы российских ученых по указанной проблеме для украинских коллег – благодаря этим исследованиям у них появляется возможность определить общие черты и отличия, которые существовали между чиновниками украинского происхождения и российского (уровень образования, социальный состав, мотивация к службе и т.д.) (с. 32).

Современную украинскую историографию истории чиновничества С.И. Дегтярев разделил на четыре блока, к трем из которых он отнес работы, где гражданских служащих исследователи касались лишь поверхностно, в контексте изучения других вопросов истории. И только один блок исследований посвящен непосредственно изучению различных аспектов государственной службы, личной и профессиональной жизни чиновников и т.п.

Ценность работ ученых из дальнего зарубежья заключается, по мнению С.И. Дегтярева, в первую очередь, в том, что они предложили новые подходы и методы при изучении бюрократии периода Российской империи, которые не использовались как украинскими, так и российскими исследователями. При этом автор выделяет ряд иностранных ученых, которые достаточно внимательно изучали некоторые аспекты украинской бюрократии конца XVIII – первой половины XIX вв.

При написании рецензируемой монографии С.И. Дегтярев использовал огромный массив источников, среди которых большое количество опубликованных документов и архивных материалов из архивохранилищ России и Украины.

Вторая глава «Социокультурная характеристика чиновничества Украины» посвящена проблеме социального происхождения чиновников на украинских землях; процессу вливания украинской служебной прослойки в имперскую чиновническую среду; влиянию образования на профессиональный уровень гражданских чиновников.

Автор монографии считает, что местная элита на украинских землях в конце XVIII в. была более многочисленной, чем дворянство в великороссийских регионах (в соотношении с количеством населения). В определенной степени это позволило российскому правительству решить кадровую проблему бюрократического аппарата. Хотя государственная служба была в большей мере привилегией дворянства, на украинских землях на службу принимались также многие из тех, которым было отказано в этом статусе.

Исследуя процесс инкорпорации украинской служилой элиты в бюрократическую среду Российской империи в конце XVIII в., С.И. Дегтярев обнаружил, что в ряде украинских губерний некоторые чиновники украинского происхождения пытались сохранять за собой старые украинские казачьи или гражданские чины, которые уже не вписывались в табельную систему чинопроизводства. Причем недолгое время эти чины жаловались даже имперским правительством, а позже их пытались сохранить сами чиновники, считая, что они дают их носителям больше привилегий, чем табельные.

Интересным является еще одно утверждение автора. Он считает, что в условиях несовершенной системы образования Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв. в значительной степени именно украинские земли обеспечивали гражданские учреждения чиновниками со сравнительно высоким образовательным уровнем, так как здесь уже долгое время существовали необходимые для этого учебные заведения (в основном духовные), которые давали большое количество кандидатов на различные должности.

Отдельное внимание было уделено в монографии чиновникам ведомства народного образования на украинских землях: условиям их службы, возрастным и образовательным характеристикам, происхождению.

Третья глава книги «Служебные злоупотребления в чиновнической среде» посвящена различным нарушениям в среде чиновников. Автор определил самые распространенные виды злоупотреблений; отношение к ним со стороны общества; причины таких явлений. Также была изучена практика наказаний, которые применялись к служащим различных ведомств.

Из четвертой главы «Поощрения в системе гражданской государственной службы» можно узнать не только то, какие виды наград и других поощрений могли получать гражданские чиновники и как это могло повлиять на их социальный статус. С.И. Дегтярев проанализировал, как именно поощрения влияли на многих служащих украинского происхождения. Например, он считает, что пожалование этих чиновников табельными чинами и орденами сыграло определенную роль в ускорении процесса вливания украинской бюрократии в российскую управленческую систему, что и произошло до середины XIX в.

Автор монографии, проработав значительный массив литературы и источников, пришел к выводам, что для представителей бюрократии на украинских землях (и, как правило, украинского происхождения) в конце XVIII – первой половине XIX вв. были характерны некоторые региональные и национальные особенности, которые отличали их от других чиновников Российской империи. Наиболее сильно они проявлялись во время инкорпорации украинского общества, и, в частности, украинской служилой элиты, в социальную и управленческую структуру Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв.

Монография С.И. Дегтярева снабжена достаточно большим научно-справочным аппаратом: списком использованных источников и литературы, двенадцатью текстами оригинальных документов, именованным указателем и списком географических и собственных названий. Краткое содержание работы изложено также на английском языке.

Следует все же отметить, что в книге имеет место ряд дискуссионных утверждений, а автору присуща некоторая идеализация гражданских чиновников украинского происхождения. Но в целом, можно положительно оценить исследование украинского ученого, так как проблемы, которые были подняты в работе, безусловно, являются актуальными. К тому же результаты данного исследования могут помочь в разработке рекомендаций, направленных на усовершенствование существующей бюрократической системы, а также в понимании причин тех негативных черт, которые присущи современному чиновничеству.

Дегтярьов С.І. Цивільне чиновництво України у кінці XVIII – першій половині XIX ст.: монографія / С.І. Дегтярьов. – Суми: ТОВ «Друкарський дім «Папірус», 2014. – 472 с. (Дегтярев С.И. Гражданское чиновничество Украины в конце XVIII – первой половине XIX вв.: монография / С.И. Дегтярев. – Сумы: ООО «Печатный дом «Папирус», 2014. – 472 с.)

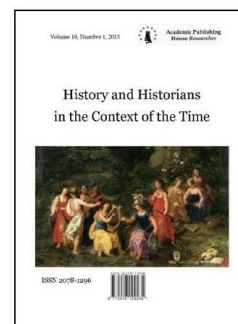
Александр Арвелодович Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация
Лаборатория мировых цивилизаций
Доктор исторических наук

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2014.
ISSN: 2078-1296
Vol. 13, No. 2, pp. 109-112, 2014

DOI: 10.13187/issn.2078-1296
www.ejournal3.com

UDC 93

**Petrov A.Yu. Natalia Shelikhova at the Wellspring of Russian America.
Moscow: Ves Mir, 2012. 320 p.**

Andrey A. Kibrik

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Dr (Philology)
E-mail: aakibrik@gmail.com

Рецензируемая монография принадлежит перу Александра Юрьевича Петрова, ведущего сотрудника Института всеобщей истории РАН, известного историка Русской Америки. Книга посвящена персоналии Наталии Алексеевны Шелиховой (1762–1810), жены и партнера одного из основателей Русской Америки купца Григория Ивановича Шелихова (1748–1795). Биографический компонент сочетается в книге с широким изображением исторических, экономических и политических обстоятельств, связанных с Русской Америкой конца XVIII – начала XIX вв. Книга состоит из вступительной части, трех глав, заключения, обзора источников, примечаний, приложений, библиографии и списка сокращений [1].

Вступительная часть включает интервью с однофамильцем Шелиховых, доктором экономических наук Д.Ю. Шелеховым, краткий пролог и введение, в котором А.Ю.Петров осветил историю создания монографии.

Глава 1 «Исследование Россией северной акватории Тихого океана и пушной промысел в XVIII в.» (с. 15–50) А.Ю.Петров описывает исторический контекст своего исследования – освоение Сибири и Аляски русскими купцами и промышленниками во второй половине XVIII в. В этой же главе описана ранняя биография Г.И. и Н.А.Шелиховых, создание их семьи и их путешествие в Америку в 1783–86 гг.

Глава 2 «Шелиховы на пути к торгово-промышленной монополии в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 1787–1795 гг.» (с. 51–102) дает картину становления компании Шелиховых как крупнейшего предприятия по добыче шкур пушных животных. В главе описывается система социальных связей Шелиховых в Иркутске и в России в целом, взаимоотношения Шелиховых с партнерами по компании и с конкурентами, а также история первой русской миссии в Америку.

Глава 3 «Образование монопольного акционерного объединения под высочайшим покровительством» (с. 103–187) посвящена периоду, в течение которого Н.А.Шелихова занималась делами компании уже в одиночестве, после смерти мужа. В главе освещается создание Российско-американской компании (РАК) и начальный период функционирования этой компании в российском и международном контексте, вплоть до второго десятилетия XIX века.

Краткое, но емкое заключение (с. 189–191) дает оценку исторической роли Н.А.Шелиховой как «одной из первых (а возможно, и первой) европейских женщин, добровольно отправившихся на Северо-Запад Америки», как активного распространителя

православия среди туземцев Русской Америки, как талантливой предпринимательницы, которая поначалу была помощницей мужа, но позже взяла на себя всю ответственность за развитие компании, а также выступала как стратег развития Русской Америки и советчик императоров, «демонстрируя масштабность мышления, умение понять государственные выгоды и отличную осведомленность об экономической и политической ситуации в стране и в мире в целом».

Книга содержит 364 примечания (с. 195–213), информационно дополняющие основной текст. Большой и самостоятельный интерес представляют приложения (с. 215–292), включая три документа за авторством Г.И.Шелихова, два договора Г.И.Шелихова, 11 писем Н.А.Шелиховой мужу, документ Н.А.Шелиховой от 1798 г. «Мемориал о способах к прочному возстановлению Американской Компании» и еще четыре письма. Среди приложений содержится также чрезвычайно ценная и информативная таблица акционеров РАК, относившихся к «клану Шелиховых», и таблица акций «клана» по группам держателей. Библиография (с. 293–316) объемна и сама по себе представляет собой ценный ресурс для исследователей Русской Америки. Книга снабжена большим и разноплановым иллюстративным материалом (карты, репродукции картин, фотографии и т.д.), что ее чрезвычайно обогащает (хотя полиграфическое качество некоторых изображений недостаточно).

Воздерживаясь от подробного пересказа монографии, я хотел бы остановиться на наиболее существенных и инновационных элементах концепции автора.

А.Ю.Петров подробно останавливается на экономических деталях, связанных с Русской Америкой, и с фактами и цифрами в руках освещает все функционирование купеческих предприятий как раннего, так и более зрелого этапа, включая типы паев (ср. с. 25), принципы взаимодействия партнеров, размеры расходов, доходов и капиталов (например, см. с. 125 и сл.) Фактически освоение Аляски было побочным следствием экономического интереса: «Купцы, стремясь получить прибыль, постепенно способствовали распространению суверенитета Российской империи на всю Сибирь и далее на земли в северной части Тихого океана» (с. 23). Автор показывает весь процесс становления РАК как первой акционерной компании России (ср. с. 138, 157–158), пробивающей себе путь внутри архаичной экономической системы, со всеми трудностями, характерными для пионерских предприятий. Представляется, что экономический компонент монографии выводит ее из ряда обычных исторических работ, дает ей новое и важное измерение, столь необходимое именно для данного исторического сюжета.

Основная часть литературы о Русской Америке концентрируется на процессах, происходивших непосредственно на Аляске, в то время как фактология, связанная с правлением компании в Иркутске и Санкт-Петербурге выступает скорее как фоновая информация. Эта традиция естественна для работ американских историков, интересующихся главным образом историей «своего» континента, но она, как мне представляется, заимствована и многими российскими историками. В отличие от этой традиции, А.Ю.Петров предлагает иную перспективу – перспективу с собственно российской стороны. И такая перспектива оправдана, поскольку ключевые и стратегические решения по развитию Русской Америки принимались в «центре» – в случае исторического периода, связанного с Шелиховыми, во многом в Иркутске. На с. 65 А.Ю.Петров отмечает, что могущественный правитель Русской Америки А.А.Баранов относился к Н.А.Шелиховой «как к руководителю». Перспектива с российской стороны, реализованная в книге, делает историю Русской Америки более объемной.

Наталья Шелихова значительно опередила свое время, став крупнейшим предпринимателем-женщиной. Она вышла из обычной экономической ниши, присущей купчихам той эпохи. Автор наглядно показывает, что Н.А.Шелихова обладала и деловыми качествами, и интуицией, и стратегическим мышлением, и убедительной силой, давшими ей возможность развить и укрепить дело ее безвременно умершего мужа. «Укрепление компании происходило во многом благодаря ее предложениям, изложенным еще в конце XVIII в.» (с. 164). Н.А.Шелихова инициировала даже такие направления, как торговля с Филиппинами (с. 171). Далее, «идеи направлять средства на благотворительность во многом были сформулированы именно Натальей Алексеевной Шелиховой» (с. 177). Письма Н.И.Шелиховой к мужу стали важнейшим документом, свидетельствующим о жизни всей

семьи, а Г.И. Шелихов делал на них пометки «о важном или выполненном» (с. 60). У читателя возникает мысль, что, возможно, Г.И.Шелихов, несмотря на раннюю смерть, широко известен как главный основатель Русской Америки (в отличие, например, от его компаньона И.Л.Голикова, ср. с. 109, 116), не в последнюю очередь благодаря мощным усилиям его вдовы. Как пишет А.Ю.Петров, «Шелихова со временем доказала, что может вести дела не хуже мужа, а может быть и лучше его» (с. 102). Усилия Н.И.Шелиховой привели к формированию мощного «клана» (с. 186), оказывавшего решающее влияние на РАК на протяжении многих десятилетий после кончины ее основателей.

Большой интерес представляет тема отношения русских монархов к Русской Америке, которую несколько раз затрагивает А.Ю.Петров. Цари часто относились к заокеанским владениям скептически, и именно это мнение в конце концов возобладало и привело к продаже Аляски. Такое отношение было характерно и для Екатерины II. В 1788 г. она писала, что «многое распространение в Тихое море не принесет твердых польз» (с. 59). Как показывает А.Ю.Петров, упорство Шелиховых смогло переубедить царицу, которая в 1793 г. поддержала их начинания (с. 95–96). Также весьма интересно гуманное отношение Екатерины к туземцам Аляски и ее осуждение жестокого обращения с ними, которое часто было характерно для русских промышленников, не исключая Г.И.Шелихова.

А.Ю.Петров вкрапляет в свое изложение много частных деталей и замечаний, представляющих большую историческую важность. Так, на с. 72–73 сообщается о первом коренном жителе Аляски, который был крещен русскими в 1747 г. – алеуте, привезенном на Камчатку. На с. 79–80 автор высказывает мнение о том, что отсутствие «четкой разграниченности сфер деятельности Русской православной церкви и промышленников» приводило к непониманию и противостоянию, характерному для Русской Америки времен Баранова. В письме Н.П.Резанова его свояку М.М.Булдакову, приведенном на с. 282–285, содержится пассаж, контрастирующий с широко известным популярным сюжетом. Резанов пишет о своей невесте из Сан-Франциско: «...не сочти, мой друг, меня ветреницей. Любовь моя (умершая жена Резанова, Анна Григорьевна, дочь Шелиховых – А.К.) у вас на Невском, под куском мрамора, а здесь – следствие энтузиазма и новая жертва отечеству. Контенсия мила, как ангел, прекрасна, добра сердцем, любит меня; я люблю ее и плачу о том, что нет ей места в сердце моем».

Отмечу, что автор, в отличие от многих русских историков, не замалчивает негативных сторон деятельности русских промышленников на Аляске (ср. упоминание о «варварстве Шелехова» на с. 67, о «разврате» служащих компании Шелиховых на с. 81 и обсуждение на с. 83). В то же время, с моей точки зрения, эта тема могла бы быть более подробно развита в монографии, поскольку массовые жестокости российских колонизаторов в отношении коренного населения Аляски, имевшие место на ранних этапах развития Русской Америки, включая и шелиховский этап, достаточно хорошо документированы [2]. Затрагивает А.Ю.Петров и традиционные российские экономические беды, в частности воровство в связи с введенной номенклатурой шкур животных по качеству: «некоторые промышленники вскоре стали выдавать шкуры новой сушки за испорченные под предлогом использования их на одежду, но затем перепродавали их» (с. 162). Очевидно, в истории РАК, как и в истории России в целом, сплетаются героические и постыдные элементы, и только их беспристрастный анализ может дать реальную картину [3].

Конечно, работа такого масштаба не может быть полностью свободна от недочетов или упущений, которые обязан отметить рецензент. Учитывая, что Г.И. и Н.А.Шелиховы родились в конце 1748 г. и в августе 1762 года соответственно, разница в возрасте между ними должна составлять чуть более 13 с половиной лет. Однако на с. 30 сообщается, что в момент женитьбы «невесте было примерно 14, а жениху около 26 лет», т.е. разница оказывается около 12 лет. На с. 65 при первом упоминании А.А.Баранова ошибочно указано его отчество – «Александр Александрович» вместо верного «Александр Андреевич». На с. 87 приведена информационно насыщенная Карта русских владений в Северной Америке, но не указан ее источник. На с. 187 упоминается «Записка о зловредном влиянии капитан-лейтенанта Л.А.Гагемейстера», но ни в основном тексте, ни в примечании никак не комментируется личность ее автора. В тексте книги отмечаются случаи нарушений логики изложения. Например, на с. 44 сообщается об эскимосе Меркульеве и говорится, что «в дальнейшем он был допрошен членами команды экспедиции Биллингса», но остается

неясным, для чего дана эта информация. На с. 85 сообщается о том, что А.А.Баранов стал Главным правителем русских поселений, хотя эта информация уже была дана на с. 65. В разделе «Международные отношения на Тихоокеанском севере и укрепление позиций компании» к с. 178 история доведена до второго десятилетия XIX в., а затем без видимых причин происходит возврат к 1801 г. Наконец, хотелось бы высказать одно пожелание – для читателя было бы очень полезно иметь для справки генеалогическое древо Шелиховых с указанием годов жизни и родственных отношений; это очень помогло бы для навигации по тексту и для повышения понятности текста.

В завершение я хотел бы высказать несколько соображений с позиций лингвиста, коим я являюсь по профессии. На протяжении своей монографии А.Ю. Петров проявляет большое внимание к языковым деталям, что бывает в исторических работах далеко не всегда. Например, во введении на с. 14 он обсуждает вопрос о двух разных написаниях имени главной героини – Наталия или Наталья, и склоняется, на основании серьезных аргументов, к первому варианту. В начале раздела с приложениями (сноска на с. 215) автор комментирует свои принципы публикации источников, в частности в отношении пунктуации и орфографически нестандартных написаний.

В книге есть и более существенные с лингвистической точки зрения наблюдения. Так, А.Ю.Петров детально описывает стандартную структуру письменных документов, с которыми он работал – прошений Г.И.Шелихова (с. 100) и писем Н.А.Шелиховой мужу (с. 60). Так, письма Наталии Алексеевны основаны на структуре «приветствие – резюме писем, пришедших на имя Г.И.Шелихова – сведения о торговых делах – просьба о благословении – (факультативно) приписка дочери». Подобные структуры – так называемые жанровые схемы – очень важны для понимания любых типов текста (дискурса), и их учет в данной работе показывает лингвистическое чутье, присущее автору.

Наконец, сам материал писем и иных документов, помещенных в приложениях, представляет большой интерес для лингвиста, в том числе историка русского языка. В нашем распоряжении и непосредственном доступе имеется не так уж много документов той эпохи, относящихся к жанру личных писем. Меня в настоящее время интересуют исторические изменения в правилах употребления личных местоимений в русском языке [4] (например, на с. 218 конструкция с местоимением *не могла я миновать нарочной в Охотске оказии* и тут же без местоимения *не могу надивитца*). Опубликованные А.Ю.Петровым документы предоставляют богатый материал в том числе и для лингвистических изысканий.

В целом, необходимо заключить, что монография А.Ю.Петрова «Наталия Шелихова у истоков Русской Америки» является принципиально важным трудом в отечественной исторической науке, занимающейся Русской Америкой.

Примечания:

1. Петров А.Ю. Наталия Шелихова у истоков Русской Америки. М., 2012. С. 5-6.
2. Гринев А.В. Характер взаимоотношений русских колонизаторов и аборигенов Аляски // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 96-111.
3. Петров А.Ю., Митрополит Климент (Капалин), Малахов М.Г., Ермолаев А.Н., Савельев И.В. История и наследие Русской Америки: итоги и перспективы исследований // Вестник Российской академии наук, 2011, № 12. С. 1090–1091.
4. Kibrik A.A. Peculiarities and origins of the Russian referential system // Dik Bakker and Martin Haspelmath (eds.) Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013, 239–274.

**А.Ю. Петров. Наталия Шелихова у истоков Русской Америки.
М.: Весь мир, 2012. 320 с.**

Андрей Александрович Кибрик

Институт языкознания РАН, Российская Федерация
доктор филологических наук
E-mail: aakibrik@gmail.com